

КНИГИ, О КОТОРЫХ ГОВОРЯТ

ЗАХВАТЫВАЮЩЕ

ОТ ТЯТЕЙ К ВОРАМ

ИСТОРИЯ ОРГАНИЗОВАННОЙ
ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИИ

18+

АЛЕКСАНДР ВОРОБЬЕВ
АЛЕКСАНДР ЕВДОКИМОВ

БОМБОРА

**Александр Владимирович Воробьев
Александр Витальевич Евдокимов**
От татей к ворам.
**История организованной
преступности в России**
Серия «Книги, о которых говорят»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73215118

От татей к ворам : история организованной преступности в России /

Александр Евдокимов, Александр Воробьев: Эксмо; Москва; 2025

ISBN 978-5-04-239440-9

Аннотация

«От татей к ворам: история организованной преступности в России» – это увлекательное исследование эволюции криминального мира от средневековых разбойников до современных преступных сообществ. Автор раскрывает, как складывались преступные традиции, зарождались кодексы воровского мира и как государство вело борьбу с организованной преступностью. Книга основана на исторических документах, реальных историях и анализе криминальных структур, формировавших российскую действительность на протяжении веков.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Преступность как ремесло (введение)	6
1. Древнейшие страницы истории борьбы с преступностью в России XI–XV вв.	10
2. Во главе борьбы с преступностью всего Московского царства	19
3. Тюрьмы и палачи Московского царства	52
4. Шерифы Московского царства: губные старосты на страже порядка в провинции	71
5. Разработка, кодификация и основные памятники «губного права»	86
6. Преступность в Москве XVI–XVII вв.	101
7. Из истории нескольких уголовных дел XVI–XVII вв.	115
Конец ознакомительного фрагмента.	123

**Александр Евдокимов,
Александр Воробьев
От татей к ворам.
История организованной
преступности в России**

© Евдокимов А.В., Воробьев А.В., текст, 2025

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Преступность как ремесло (введение)

Организованная преступность – явление, не свойственное ранним обществам, в которых деятельность отдельных людей находилась под пристальным контролем множества соплеменников. Любое отклонение от дозволенных правил поведения безжалостно пресекалось общиной. Даже одиночное преступление с высокой долей вероятности могло попасться на глаза рядовым общинникам, не говоря уже о коллективном преступлении. Совместная преступная деятельность была в большей степени спонтанной, нежели заранее спланированной. Участники общества скорее могли испытать сиюминутное желание к коллективному насилию, чем заблаговременно объединиться для достижения преступных целей.

С течением времени нараставшее расслоение некогда монолитной общины создало предпосылки для того, чтобы преступность стала устойчивым видом социального поведения. В рамках небольшой группы людей значительно упростилось выстраивание преступных связей. Такие криминальные группы обзавелись собственной специализацией и проникли в различные сферы общественной жизни. Они пустили корни и в хозяйственную деятельность общества, и в по-

литические институты. Преступность превратилась в рутинное ремесло, которое удовлетворяло необходимые потребности вовлеченных в нее людей.

Главной целью существования преступных групп стало личное обогащение их участников. Они вгрызались в цепочки распределения экономических благ и силой или мошенничеством присваивали себе эти блага. Профессиональные вору и разбойники регулярно совершали преступления и имели постоянный нелегальный доход. В этом цель их деятельности не отличалась от правомерного труда. Отличие составляли средства достижения желаемого результата. Насилие и обман казались наиболее легким способом обогащения, особенно в условиях организованного преступного сообщества.

Взаимоотношения с властью также имели свои особенности. В то время как честные работники искали в правящих кругах равного подхода и справедливости, преступники нередко обращались к ним для личной защиты и сохранения награбленной добычи. Наделенные властью становились частью криминальной системы и важными звеньями ее работы. Они выполняли охранительные, протекционные и другие функции в личных интересах организаторов и рядовых участников преступных групп. Срастание властных институтов с криминальными кругами привело к появлению устойчивых преступных сообществ, которые могли оказывать влияние на отдельные стороны общественной жизни.

Подобно честному ремеслу, будь то кузнечное или ткацкое дело, преступность является особым миром со своей иерархией и правилами поведения. Во главе преступного сообщества, как правило, стояли лидер и его заместители, управлявшие рядовыми ворами и разбойниками. Роль каждого преступника была заранее определена: одни – готовили преступление, другие – совершали, третьи – скрывали следы, четвертые – сбывали с рук награбленное. Специализация участников позволяла более эффективно выстраивать преступные связи и распределять риски поимки и несения наказания.

Преступная пирамида держалась на авторитете лидеров и негласных правилах поведения, которые пронизывали преступное сообщество сверху донизу. Неформальные требования и прямые указания криминальных авторитетов регламентировали образ действий каждого члена преступной группы. Чаще всего такие правила не афишировались и предназначались исключительно для внутреннего использования. Таким образом создавалось своего рода государство в государстве со своими законами, лидерами и аппаратом управления.

Закрытость преступных сообществ наложила отпечаток на внешний вид, культуру и многие другие стороны жизни их участников. Этим преступные группы напоминали ремесленные цеха, объединявшие людей одной профессии. В них особенно ярко проявлялись поведенческие, культурные

и другие особенности такого сообщества. Наиболее показательным является пример языкового своеобразия, которое так рельефно запечатлено во многих литературных произведениях и кинофильмах о преступной жизни.

Явление организованной преступности способно проявиться в любом обществе, и Россия в этом смысле не является исключением. На протяжении тысячелетней истории в нашей стране возникали различные формы объединения преступников: от простого сговора до разветвленных сложных криминальных структур. В ответ на эти пагубные явления социальной жизни принимались законы и создавались правоохранительные органы. Несомненно, российские реалии привнесли специфику в криминальную картину мира подобно тому, как в зеркале отражается каждая деталь окружающего пространства. Поэтому обращение к истории организованной преступности – это не только повод удовлетворить любопытство. Прежде всего это возможность заглянуть в то самое зеркало и увидеть историческую действительность прошедших веков во всем ее многообразии.

1. Древнейшие страницы истории борьбы с преступностью в России XI–XV вв.

Древнейший период истории России приходится на Средневековье, которое растянулось для нашей страны с IX по XVI век. Образовавшееся в IX веке Древнерусское государство стремительно развивалось, благодаря принятию христианства его правовая и государственная культура усложнялась. Все это закономерно привело к формированию в XI–XII вв. первого в нашей истории кодекса законов – Русской Правды.

Преступность в Древней Руси

Среди основных преступлений Русской Правды названы убийства, разбои и кражи. Именно с воровством связаны упоминания первых известных признаков организованной преступности в XI веке. Статьи Русской Правды говорят о том, что воры (или, как их называли в ту эпоху, тати) часто действовали вместе, похищая вещи, зерно или скот. Краденые вещи перепродавались по многу (более трех) раз, что предполагает существование скупщиков краденого, которые

сбивали вещи на торгу (то есть на рынке).

Каждый из пойманных преступников выплачивал фиксированный, довольно большой штраф. Хотя такое наказание и не кажется жестоким, ремесло татя было крайне опасно, поскольку заставший его на месте преступления мог по праву убить злодея «во пса место» (то есть «как собаку»). Но если пойманного вора связали или не лишили жизни сразу же, то расправа с преступником расценивалась как самосуд и вести злодея следовало на суд князя.

Русская Правда устанавливала суровые наказания для конокрадов: им грозило изгнание из общины – а одна из самых суровых кар ждала того, кто убьет человека безо всякой на то причины. Убийца изгонялся уже вместе с семьей, а их имущество конфисковывалось.

Преступность в Древней Руси в это время пока очень слабо организована, поэтому неудивительно, что еще не существовало специального аппарата для борьбы с ней. Община и те, кто пострадал от рук преступников, доискивались правды сами, а князь и его приближенные судили уже пойманных воров и убийц и назначали им наказание.

Такое положение дел будет сохраняться приблизительно до конца XV века, когда с рождением нового единого государства Русская Правда и другие старые правовые практики (в частности, изгнание) во многом потеряют свое значение.

Бандитские шайки Киевской Руси

В Киево-Печерском патерике – сборнике рассказов о жизни подвижников монастыря, формирование которого началось в первой трети XIII века, – содержатся сведения о трех воровских шайках, действовавших на сопредельной территории, и сфере их преступных интересов: так, например, особую ценность для них представляли книги. Стоит отметить, что такой специфический товар нужно было уметь сбывать, что позволяет сделать вывод о существовании связей с книготорговцами и других связях, которые сегодня можно было бы охарактеризовать как профессиональную преступность. В частности, патерик сообщает, как тати несколько раз хотели ограбить благочестивого инока Григория, не имевшего другого имущества, кроме книг и овощей с собственного огорода. Воры были пойманы, но «затужил Григорий, что из-за него осуждены они», и отдал городским властителям часть книг, чтобы спасти воров от наказания. Таким образом, мы узнаем о практике преследования преступников, а также о том, что от наказания можно было откупиться.

Ушкуйники. Пираты Средневековой Руси

Новгородская земля являлась одним из важнейших регионов Древнерусского государства, который с началом феодальной раздробленности в XII веке начал стремительно развиваться. Объединивший вокруг себя всю Северную Русь Господин Великий Новгород, почти не тронутый монголо-татарским нашествием, сохранил свою независимость от великих князей и еще более укрепил свой статус торгово-ремесленного центра, тесно контактировавшего с Прибалтикой и Скандинавией.

Для Новгородской земли была характерна уникальная система управления. Над вечем, представлявшим собой собрание свободных жителей города, стояло обладавшее огромной властью боярство. Из числа бояр выбирался посадник – глава Новгородской республики. Кроме того, вече выбирало отвечающего за управление городом и ополчением тысяцкого и архиепископа. Важную, но далеко не первостепенную роль в республике играл князь, фактически выступавший в роли приглашенного чиновника, поскольку боярство могло по своей воле как приглашать, так и изгонять князя.

Новгородское боярство нуждалось в вооруженной силе, которая официально была бы не связана с правительством республики, но при этом могла бы отстаивать ее интересы в столкновениях с соседями, а также способствовать торго-

во-финансовой колонизации ряда территорий. Кроме того, бояре, озабоченные социальными выступлениями городских низов, были заинтересованы в том, чтобы направить их энергию в выгодное для себя русло и таким образом снизить напряженность между верхами и низами новгородского общества. Именно поэтому бояре часто стояли за походами «пиратов русского Средневековья» – ушкуйниками.

Само слово «ушкуйник» происходит от названия гребного суда «ушкой» («ускуй», «скул», «вушкул»), на котором было удобно плавать по крупным рекам. При этом до сих пор неясно, что же действительно из себя представлял ушкуй, в чем были особенности этого типа судна. Известно только, что ушкой вмещал до 20–30 человек и, скорее всего, был легче других судов, благодаря чему его можно было волоком перемещать из одной речной системы в другую.

Первое упоминание об ушкуйниках относится к 1360 году, при этом так их, как правило, называли в московских и ростовских летописях, в то время как в новгородских хрониках о них писали как о «молодцах новгородских» и «людях молодых». При этом само движение ушкуйников зародилось раньше 1360 году, по меньшей мере в начале XIV века, поскольку именно этим временем датируются первые походы «молодцев новгородских».

Несмотря на то что ушкуйники формально выступали без ведома новгородского правительства, их связь с местным боярством была очевидна. Несмотря на то, что Новгород ста-

рался всячески снять с себя ответственность за разбойные экспедиции своих «молодцев», известен случай, когда в 1386 год, великий князь Дмитрий Донской добился у властей республики 8 тысяч рублей за разорение городов Поволжья.

Новгородская земля была большим государственным образованием, на территории которого проживали самые разные народы, поэтому неудивительно, что бок о бок с русскими людьми в походы на ушкуях ходили и финно-угорские воины (корелы, весь, ижоры).

Помимо участия в грабительских походах, ушкуйники на правах добровольцев обычно входили в состав новгородского войска. Выступая на поле битвы, ушкуйники действовали самостоятельно и формально не принадлежали к новгородскому полку, но все же выполняли приказы князя или посадника, которые назначали командиров им и другим отрядам ополченцев.

С 1320 по 1409 год, по данным новгородских летописей, ушкуйники совершили не менее 18 походов в нескольких направлениях. Первое направление было связано с такими территориями, как Мурман, Корела, Двинские земли и Белозерье, то есть на те регионы, где Новгород всегда желал усилить свое политическое влияние.

Походы на второе поволжское направление начались с того, что в 1360 году ушкуйники разграбили город Волжской Булгарии – Жукотин. В ходе резни, которая последовала за взятием города, пострадали татарские купцы и русские лю-

ди. Узнавший о бесчинстве разбойников золотоордынский хан Хизр (Хидырь) просил русских князей наказать обидчиков татарских купцов. Сами русские князья также были недовольны вторжением ушкуйников, и на собрании в Костроме они приняли решение выдать захваченных новгородцев хану.

В дальнейшем ушкуйники ходили походами на Волгу и Каму, Кострому, на Булгар, на Немецкие и Арские (Заказанье) земли и Устюг.

Из этих походов наиболее значительными были походы 1374, 1375 и 1390–1392 гг. В 1374 разбойники на 90 судах спустились вниз по Вятке, чуть было не сожгли город Булгар, который выкупило местное население за очень значительную сумму в 300 рублей. Затем ушкуйники разделились: одна часть пошла на юг к Сараю (столица Золотой Орды), а другая – вверх по Волге. Причем почти в самом конце экспедиции второй отряд грабителей уничтожил ушкуи и, пересев на коней, двинулся к Вятке, грабя на своем пути все встреченные населенные пункты.

В 1375 1500 ушкуйников напали на Кострому и Нижний Новгород. Ограбив оба города, они также взяли многих русских людей в плен и продали их иноверцам. Несмотря на начальный успех, поход завершился для «новгородских молодцов» трагически – почти все они были перебиты в устье Волги астраханским князем.

В 1390–1392 гг. ушкуйники вместе с устюжанами напа-

ли на Жукотин и Казань в ответ на попытку хана Тохтамыша потеснить новгородцев на Вятке. Этот поход был также успешен, оба города были взяты, а все встреченные поволжские торговцы стали жертвами грабителей. В итоге ушкуйники вернулись домой с огромными богатствами.

Ушкуйничество как явление пошло на спад в XV веке и окончательно прекратило существование после присоединения Новгорода к Москве в 1478 году.

Судебник 1497 года и начало новой страницы в истории борьбы с преступностью

К концу XV, после освобождения от татаро-монгольского ига, большинство русских княжеств было объединено под эгидой Москвы. Единое государство должно было управляться едиными законами, и именно с этой целью в 1497 году был принят Судебник – первый общероссийский кодекс права. Этот памятник права вводил в масштабах всего государства термин «ведомый лихой человек» («лихой» – преступник), означавший, по сути, профессионального преступника-рецидивиста. С этим понятием связана специальная процедура «облихования», или «лихованного обыска», которая заключалась в том, что в ходе опроса властями населения той местности, где жил подозреваемый, устанавливалась виновность или невиновность и в том числе присваивался статус «ведомого лихого человека». Данное понятие с некоторы-

ми изменениями продолжало существовать вплоть до конца XVII века.

Также Судебник 1497 года выделяет ряд социально опасных преступлений, среди которых наибольшее значение имели разбой, татьба (воровство) и убийство. Эта триада особо тяжких деяний обозначила границы того, что с некоторыми оговорками можно назвать уголовным правом России не только XVI–XVII вв., но и более позднего времени.

Все три перечисленных преступления были характерны для организованной преступности того времени. Банды разбойников и воровские сообщества, как известно из документов, существовали в сети социальных связей: где-то жили, кому-то сбывали товар и т. д. Правительство среди прочего пыталось бороться со скупщиками краденого и становщиками (теми, кто держит станы – что-то вроде притонов), которые давали приют разбойникам и ворам.

Для искоренения преступности применялись особые виды наказаний, большое значение придавалось пыткам. Еще одним индикатором того, что власти были решительно настроены на борьбу с нарушителями, являлся сформулированный в середине XVI века запрет идти на мировую с разбойниками, ворами и убийцами.

2. Во главе борьбы с преступностью всего Московского царства

В середине XVI века в России завершается формирование новой системы центрального управления, состоявшей из таких учреждений, как приказы. Можно условно сравнить приказы с современными министерствами и, развивая это сравнение, можно, таким образом, назвать Разбойный приказ своеобразным аналогом современного Министерства внутренних дел.

Разбойный приказ был первым в истории России центральным государственным учреждением, которое осуществляло борьбу против тяжких уголовных преступлений (убийство, разбой, кража, а также профессиональная преступность) на большей части территории Русского государства в XVI – начале XVIII века посредством контроля и обеспечения необходимой нормативно-правовой базой местных губных органов и других представительств, противостоявших преступности на местах. Кроме того, приказ, если не брать в расчет суд царя и Боярской думы, обычно выступал в роли высшей судебной инстанции по преступлениям, входившим в его юрисдикцию.

Первое достоверное упоминание о Разбойном приказе в

исторических источниках относится к 1552 году, хотя он, скорее всего, уже существовал еще и в конце 1540-х гг.

Компетенция Разбойного приказа

История этого учреждения уходит своими корнями в 1539 год, когда появляются первые губные избы, борющиеся с преступностью в провинции. Губные избы были подконтрольны комиссии бояр по разбойным делам, которая была непосредственной предшественницей Разбойного приказа.

Первоначально губным избам 1530–1540 гг. разрешалось преследовать и наказывать разбойников, татей, а также тех, кто связан с преступниками (становщиков и скупщиков краденого). Однако в документах упоминаются и ведомые лихие люди, под которыми можно понимать профессиональных преступников вообще. При этом губные старосты, судя по всему, могли преследовать убийц и поджигателей лишь в тех случаях, когда эти преступления являлись отягощающими по отношению к разбою и татьбе. В дальнейшем указная книга Разбойного приказа 1617/18 года прямо упоминает поджог и убийство как преступления, относящиеся к суду Разбойного приказа.

К Соборному уложению 1649 года и Новоуказным статьям 1669 года окончательно сформировалась триада основных преступлений, подведомственных Разбойному приказу, – разбой, татьба и убийство. Причем эти опасные право-

нарушения толковались законодателями довольно обширно. В частности, ряд преступлений (например, браконьерство в Соборном уложении и Новоуказных статьях) рассматривался как частный случай разбоя или татьбы. Что касается поджога, то он упоминается в данном памятнике косвенно, при этом сам факт борьбы Разбойного приказа с поджигателями не вызывает сомнения. Важным изменением, отразившимся в Соборном уложении, стало исчезновение из него расплывчатой категории введомых лихих людей, что сделало юрисдикцию Разбойного приказа более ясной, изъяв из нее профессиональных преступников вообще.

Особо следует сказать о колдовстве, которое приблизительно в течение последнего десятилетия правления Алексея Михайловича преследовалось Разбойным приказом и его агентами. В наказе, выданном воеводе Городецка и Бежецкого Верха в 1667 году, впервые среди тех, кто был подсуден Разбойному приказу, упоминаются ведуны. Актовый материал конца 1660-х гг. не оставляет сомнения в том, что Разбойный приказ целенаправленно взялся за дела, связанные с колдовством. В наказной памяти шуйским властям по грамоте из Разбойного приказа требовалось выяснить и сообщить в Москву о том, какие сведения о порче местных жителей имеются у посадского человека Никифора Степанова, предлагавшего сжечь колдуна Григория Трофимова. Интересные данные содержатся в двух грамотах, выданных в сентябре 1669 года. Первая была отправлена на Вологду о сис-

ке угрожавших порчей людей, а вторая позволяет предположить, что приказ в этот период времени мог заниматься и сыском раскольников, на что указывает грамота на Балахну о сыске по «еретическому делу».

Власть Разбойного приказа в основном действовала на территории европейской части России, не распространяясь на Поволжье, Сибирь и ряд отдельных регионов. Кроме того, в компетенцию этого учреждения входило управление московскими большими тюрьмами и местами заключения в провинции.

Местонахождение Разбойного приказа

В первом упоминании Разбойной избы содержалась информация о ее местоположении. 11 декабря 1552 года литовский посол Ян Гайко был приглашен на аудиенцию у митрополита. Въехав в Кремль на коне, он спешил на Соборной площади «против Пречистые (т. е. Успенского собора) и Грановитые палаты», потом, пройдя между Успенским собором через церковь Ризоположения, он через Малые ворота вошел в Малую палату резиденции митрополита. После аудиенции он был приглашен митрополитом к столу, которого он с приставом дождался «в Розбойной избе на площади». При этом неясно, о какой площади идет речь в данном случае – о Соборной или об Ивановской. В контексте документа безымянное название площади употребляется в

самом начале как в отношении Соборной площади, так и в отношении места расположения Разбойной избы. Необходимо также учесть и тот факт, что, вероятно, изба, в которой литовский посол дожидался стола, должна была находиться где-то относительно неподалеку от митрополичьих палат.

В 1540–1550 гг. Ивановская площадь еще не была местом, где располагались почти все приказы. Очевидно, что ситуация изменилась к концу 1560-х – началу 1570-х гг., когда Штаден однозначно помещает основные приказы (в т. ч. и Разбойный) на Ивановской площади, которая легко идентифицируется благодаря упоминанию о соседнем с ней Архангельском соборе. Все эти факты в совокупности позволяют предположить, что, по крайней мере, в начале 50-х гг. XVI века. Разбойная изба могла располагаться не на том же месте, где было ее местонахождение в конце столетия при Борисе Годунове и в XVII веке.

В 1591 году для приказов было построено новое каменное здание П-образной формы. Его можно видеть на первом подробном плане Московского Кремля (т. н. Кремленаград), который принято датировать самым началом времени правления Бориса Годунова. На плане под цифрой 10 обозначено само каменное здание приказов, под цифрой 11 – каменная палата Посольского приказа, стоявшая неподалеку, а также под цифрой 7, как обозначено на примечании к плану – *Rosbono pricaes, Tribunal aut Ius grassatorum* («Разбойный приказ – трибунал или суд разбойников». – А. В.). Однако,

скорее всего, по недосмотру составителя плана цифру 7 не успели нанести на план, так что о местонахождении приказа приходится судить исходя из более поздних источников. Причем сам факт вынесения Разбойного, как и Посольского, приказа в примечаниях к плану отдельной цифрой говорит нам о том, что они имели каждый отдельное свое собственное помещение.

На плане здания приказов 60–70 гг. XVII века канцелярия Разбойного приказа и его Черная палата (тюрьма) занимали крайнюю часть первого этажа дальнего крыла (считая от колокольни Ивана Великого). Рядом с Разбойным приказом стояла его изба, в конце которой располагался вход в данный приказ. Неподалеку от избы находилось еще одно здание (в нем помещались Скорняшная палата и Новая четь), стоявшее у самого Архангельского собора. Таким образом, эта изба была напротив каменных палат Посольского приказа, поблизости от юго-восточного угла Архангельского собора.

Площадь канцелярии Разбойного приказа составляла 18 квадратных саженей (почти 84 м^2), чуть меньшее пространство занимала Черная палата. Что же до избы Разбойного приказа, то о ее площади можно судить только приблизительно. Если одна из ее сторон была длиной в 4 сажени, можно определить площадь помещения либо в 8, либо в 12 квадратных саженей (соответственно 37 или 56 м^2). Вероятно, в этой небольшой избе дожидались приема челобитчики.

Известно и общее устройство канцелярии Разбойного

приказа, помещение которой состояло из двух частей. Первая, небольшая по размерам, представляла собой отделенную от остального пространства перегородкой казенку – что-то вроде рабочего кабинета для приказных судей и дьяков, где хранились коробки и сундуки с делами, а также деньги. Во второй размещался остальной персонал приказа – около 40 человек (подьячие, пристава и др.), а также челобитчики. Приблизительно такое же число арестантов содержалось в Черной палате, причем самые важные из них находились за решеткой.

Применительно же к плану времени Бориса Годунова и учитывая все вышесказанное, Разбойный приказ следует отождествить с двумя небольшими смежными строениями у дальнего крыла здания приказов, противоположного той стороне, где стояла палата Посольского приказа.

К 1670 году старое здание московских приказов обветшало настолько, что находиться в нем было опасно для жизни, поэтому в этом же году царским указом многие учреждения перевели в другие помещения. В частности, Разбойный приказ переехал на Новый английский двор, располагавшийся в Китай-городе. Скорее всего, именно там и находилось это учреждение вплоть до 1702 года, когда вскоре после упразднения на его месте обосновался Дворцовый судный приказ.

На новом месте в Китай-городе Разбойный приказ располагался неподалеку от Большой московской тюрьмы, где находилась значительная часть узников, а другие содержались

в подвальных помещениях приказа. Известно, что перед воротами приказа находилась площадь, а за ней располагался двор, на котором наказывали преступников и зачитывали царские указы.

Руководство и служащие Разбойного приказа

Разбойный приказ вырос из боярской комиссии по разбойным делам, которая возглавлялась одним из бояр. В дальнейшем во главе приказа стоял судья, обладавший чином боярина или окольничего, или думного дворянина, или даже печатника, как было в случае с Б. И. Сукиным в 1573–1575 гг. Это неписаное правило несколько раз нарушалось в XVII веке, когда данным учреждением руководили стольники кн. И. И. Дашков, кн. М. Л. Плещеев и кн. И. О. Щербатов. И все же, несмотря на редкие исключения, правительство старалось поддерживать обычай, по которому главный судья приказа назначался из состава Боярской думы.

Главе приказа помогал второй судья – человек более скромного происхождения и чина, назначавшийся в XVII веке из стольников, нередко имевших опыт службы сыщика по разбойным делам. Наличие двух судей, как видно из источников, было оправдано тем, что даже если в приказе отсутствовал один из них, то другой мог подменить его без ущерба для деятельности приказа.

В число «начальных» людей также входили два, реже три

дьяка. Опираясь на документы второй половины XVII века, можно говорить о том, что дьяки надзирали за работой подьячих, контролировали соблюдение норм судо- и делопроизводства и следили за состоянием казны. Все же ключевые решения принимались судьями, которые слушали дела и по результатам этих слушаний выносили приговоры или указывали на необходимость проведения новых следственных действий.

Многие дьяки и даже некоторые судьи не понаслышке знали о борьбе с преступностью. Приведем некоторые из многочисленных примеров. Так, Григорий Теряев, похоже, был пожалован в дьяки Разбойного приказа прямо из губных старост, подьячий Дмитрий Шипулин в начале 1650-х гг. служил с сыщиком П. Шетневым, был пожалован после Рижской службы в дьяки того же приказа, а будущие судьи В. Ф. Извольский и кн. И. И. Дашков в свое время были сыщиками, боровшимися с преступностью в разных уездах по назначению из Разбойного приказа. Таким образом, личный опыт в борьбе с преступностью на местах позволял руководству приказа эффективнее решать стоявшие перед ним задачи.

В непосредственном подчинении у судей и дьяков находились подьячие, на которых ложилось основное бремя делопроизводственной работы. Для суда, контроля и управления многочисленными губными избами требовалось немало канцелярских служащих. Уже в 1620-х гг., как отметила Н. Ф. Демидова, «только в трех приказах (Большого прихо-

да, Новгородской четверти и Разбойном) имелось от 22 до 27 человек». Численно эти учреждения превосходил только Разряд, Поместный, Большого и Казенного дворца приказы. Во второй половине XVII века общее количество подьячих колебалось между 30 и 50, приблизительно треть из которых составляли неверстанные, т. е. служившие без жалованья подьячие.

В отличие от судей и дьяков, подьячие часто служили десятилетиями, а потому неудивительно, что они были подлинными знатоками делопроизводства и законодательства. Эти чиновники черпали знания не только из поступавших к ним донесений. Именно подьячие Разбойного приказа часто отправлялись вместе с сыщиками для борьбы с преступностью на местах, случалось, что кого-то из них командировали для проведения следственных действий, например, такое случилось в Московском уезде, а к концу XVII века некоторое количество старых подьячих регулярно ездило по городам, собирая пошлины и недоимки и занимаясь судебными делами.

Нижшее звено сотрудников Разбойного приказа составляли приставы, исполнявшие отдельные поручения и содержавшие под стражей подозреваемых и преступников, сторожа, охранявшие помещения приказа, и палачи, пытавшие и казнившие по приговору судей.

Разбойный приказ в середине XVI – начале XVII века

Значимым событием в деятельности Разбойного приказа стало составление Указной книги 1555–1556 гг., структурно состоящей из одного царского указа, двух приговоров царя и Боярской думы (большая часть одного из которых вошла также и в дополнительные статьи к Судебнику 1550 года), образцового наказа мединским губным старостам и одной памяти о правяже долгов. Самые важные нормы этого памятника сводились к расширению губных округов до уровня уезда и оформлению статуса губных старост как агентов правительства по самому широкому кругу вопросов, в том числе выполняющих полицейские функции. Руководили этим процессом бояре кн. Д. И. Курлетев и И. М. Воронцов, видимо, возглавлявшие Разбойный приказ в 1552–1555 гг. В ноябре 1555 года главой Разбойного приказа стал боярин кн. И. А. Булгаков, упоминающийся на том же посту и в 1558 г., а в 1557/58 году судьей приказа был боярин В. Д. Данилов, который либо сменил Булгакова на некоторое время, либо управлял уже после него.

Во время опричнины не было создано особых опричного и земского Разбойных приказов., но произошедшее в стране разделение коснулось и этого ведомства. В наказе белозерским губным старостам 1571 года фигурирует новая нор-

ма, которая устанавливала, что если кого-либо из опричников поймут в земщине на разбое, то земские губные старосты должны ехать в опричнину, чтобы там судить обвиняемого вместе с опричными губными старостами. Если же земского человека ловили в опричнине, то судить его надо было старостам вместе в земщине. Имущество, оставшееся после компенсации потерпевшим и казни виновного, также должно было поступать в ту часть государства, откуда был этот человек. При этом пошлины (два алтына с рубля), которые брали губные старосты от ведения дел, отсылались только дьякам Разбойного приказа.

В целом введение опричнины усложнило деятельность Разбойного приказа и его агентов на местах, так как на функционирование приказной системы накладывались еще и не всегда ясные взаимоотношения между двумя частями одного государства.

В это же время (1564–1570 гг.) в Разбойном приказе в чине дьяка служил Г. Ф. Шапкин. О нем сообщал в своих «Записках о Московии» Генрих Штаден, который, между прочим, уличал самого Шапкина и его коллег по приказу в том, что они корыстовались за счет невинно оговариваемых преступниками людей. Впрочем, из других источников нам известно, что подобным образом поступали и губные старосты с целовальниками. В конце 1560-х гг. (но не позднее 1570 года) в приказе служили дьяки М. Вислый и В. Я. Щелкалов, которые создали новую редакцию Указной

книги Разбойного приказа. М. Вислый до того, как стать дьяком, в 1536–1549 гг. был городовым приказчиком, а в 1549–1552 гг. – губным старостой Кирилло-Белозерского монастыря. Он имел достаточный опыт службы в структурах местного управления и прекрасное представление о предмете своей работы.

Разбойный приказ должен был координировать деятельность губных учреждений. Вплоть до конца XVI века губные старосты были обязаны самостоятельно решать все дела вплоть до вынесения и исполнения приговора. Впрочем, с конца 1540-х по середину 1550-х гг. им дозволялось в случае возникновения каких-либо сложностей отсылать все материалы в Разбойный приказ, чтобы там приняли решение. Но уже указы 1555–1556 гг. снова требуют «списков в розбойных и татинных делех <...> на Москву к бояром к докладу не посылать <...>». К концу столетия (вероятно, к середине или концу 1590-х гг.) ситуация изменилась – теперь все приговоры выносились исключительно в Разбойном приказе. Обычно губной староста отсылал в Москву статейный («кто в какой статье сидит») список заключенных вместе с материалами их дел, а в приказе, рассмотрев документы, выносили приговор, который записывался против имени тюремного сидельца или в его деле.

Разбойный приказ в первой половине XVII в.: от Смуты до Соборного уложения

В 1601–1603 гг. грозным предвестником событий Смутного времени в России были неурожаи, наступившие из-за климатических аномалий. Охвативший страну великий голод среди прочего привел и к небывалому росту преступности. Для борьбы с разбойниками правительство снарядило вооруженные экспедиции дворян-сыщиков в Тулу, Владимир, Волок Ламский, Вязьму, Можайск, Медынь, Ржев, Коломну, Рязань, Пронск. Столичные эмиссары прибегали к самым жестоким мерам. Так, в инструкциях, данных бельскому сыщику, от него требовалось «пытати [разбойников] крепкими пытками и огнем жечь», а самым «пущим» преступникам разрешалось ломать ноги.

Кульминацией борьбы с разбойниками стала расправа с многочисленной и сильной бандой Хлопка Косолапа, действовавшей неподалеку от Москвы. В сентябре 1603 года царские войска под руководством воеводы Ивана Федоровича Басманова разогнали преступников и взяли в плен самого Хлопка. Однако победа далась большой ценой: правительственный отряд попал в засаду, устроенную разбойниками, и понес большие потери. В бою среди прочих погиб и воевода.

Мы располагаем крайне ограниченным количеством источников по истории Разбойного приказа в Смутное время.

При этом можно с уверенностью говорить, что для него события начала XVII века были довольно тяжелым испытанием. Нормальное функционирование Разбойного приказа зависело от того, насколько хороша была его связь с губными старостами на местах. Естественно, что во время ожесточенной гражданской войны едва ли было возможно оперативно отправлять необходимую документацию и надеяться на получение ответа из приказа. На практике это привело к тому, что губным старостам приходилось решать дела без резолюции московских дьяков, сталкиваясь с еще большими трудностями в борьбе против усилившейся преступности, обостряемой политической нестабильностью.

Мы располагаем двумя упоминаниями о Разбойном приказе в Смутное время. Во-первых, известно, что в июне 1606 года его возглавляли боярин Иван Никитич Романов и дьяк Третьяк Григорьевич Корсаков. Во-вторых, в конце июля 1608 года с польским отрядом, в который входили Марина Мнишек, ее отец и польские послы, был отправлен к западной границе дьяк Разбойного приказа Д. Раковский, служивший в нем как минимум с 1604 года. Это последнее известное нам упоминание о данном учреждении вплоть до 1613 года. После свержения Василия Шуйского Разбойный приказ, вероятно, либо совсем перестал функционировать, либо его существование носило эфемерный характер. В условиях, когда Москва почти постоянно подвергалась атакам ополчений, поддерживаемых многими уездами, и большая часть

страны не подчинялась столичным властям, а некоторые регионы признали новых самозванцев, контроль Разбойного приказа над губными учреждениями на местах был практически невозможен.

Первое народное ополчение 30 июня 1611 года приняло приговор, в котором определялись его организационные основы. В числе прочего руководителями ополчения было решено воссоздать Разбойный и Земский приказы «как прежде на Москве было» для борьбы с воровством, разбоями, убийствами «на Москве в полках и под Москвою, и по городам, и в волостех или по дорогам». Неизвестно, действительно ли Разбойный приказ занял свое место в административной структуре Первого ополчения, но раз ополчение стремилось взять всю власть в свои руки, то оно должно было установить контакт с губными старостами. По-видимому, подобным образом действовало и Второе ополчение. Нет точных данных, существовал ли в его составе Разбойный приказ, но, несомненно, дьяки из ополчения хотя бы отчасти выполняли его функции. Например, в Шую, последовательно поддерживавшую Нижегородское ополчение, в 1611/12 году прибыл только что назначенный губной староста Посник Калачов. Традиционно назначение губных старост было одной из прерогатив именно Разбойного приказа.

Губные власти в Новгороде попали в распоряжение шведского оккупационного правительства, о чем свидетельствует челобитная губных старост Шелонской пятины, поданная в

декабре 1612 года, в которой они просили дать конкретные указания по вопросам организации губного дела, не прописанным в полученном ими наказе.

Из этих и других фактов можно сделать очевидный вывод, что в эпоху Смуты Разбойный приказ пребывал в состоянии кризиса, так как его связь с агентами на местах была чрезвычайно зыбкой. Вообще, на территориях, где московское правительство не имело власти, функции Разбойного приказа брали на себя те, кто контролировал эти территории. Однако нам неизвестно о создании альтернативного Разбойному приказу учреждения ни у одной из сил, противостоявших центру.

Практически сразу после освобождения Москвы от польского гарнизона началось восстановление системы приказов Московского государства. Документы старого приказного делопроизводства находились в крайнем беспорядке, а не собрав и не систематизировав их вновь, запустить работу центральных государственных учреждений было едва ли возможно. Составители Указной книги Разбойного приказа 1616/17 года едва ли смогли бы кодифицировать законодательные новеллы со времени Ивана IV в единый памятник, если бы из Разрядного приказа им не прислали тетради с необходимыми указами.

В то же время вскоре после освобождения столицы Вторым ополчением создается особое ведомство во главе с кн. Федором Волконским, под руководством которого находи-

лись дьяки Пешек Жуков и Яков Демидов, а также большое количество подьячих, обеспечивавших громадное дело-производство. Это учреждение экстраординарного характера, действовавшее в конце 1612 – начале 1613 года, то есть еще до избрания Михаила Романова на царство, разбирало «многие дела судные, и разбойные, и татинные, и холопы, и всякие земьские дела» и сосредоточило в своих руках огромную власть, выполняя функции судебных приказов и функции Разбойного приказа в том числе.

Довольно остро после Смуты, особенно в 1613–1618 гг., в Разбойном приказе стоял кадровый вопрос. Почти все дьяки служили здесь лишь около года. Большое значение для деятельности учреждения в этот период имела работа дьяка Т. Г. Корсакова, начавшего свою службу еще с середины 1590-х гг., и подьячего Н. В. Постникова над составлением новой редакции Указной книги Разбойного приказа 1616/17 года. Она предназначалась для собственного пользования в приказе, а не для распространения среди губных старост и других агентов. Редакторы скомпоновали Указную книгу как черновой материал для дальнейшей законодательной работы. Несмотря на такой ее неофициальный характер, Указная книга получила распространение на местах уже с начала 1620-х гг. Это свидетельствует о том, насколько сильно приказные люди в провинции нуждались в подобном кодексе.

Осенью 1617 года с походом на Москву выступил королевич Владислав, добываясь обещанного ему в 1610 году пре-

стола. В очередной раз сумятица военного времени была на руку вора и разбойникам, да так, что зачастую население не могло понять, с кем оно имело дело: с литовцами, черкасами, русскими предателями или с обыкновенными преступниками.

Уже после заключения Деулинского перемирия в декабре 1618 г. воеводы, губные старосты и приказные люди многократно писали в Разбойный и другие приказы о том, что истцы требуют приставов, чтобы изъять поличное у тех, кто ограбил их во время войны, но дать приставов без указа из Москвы местные власти не решались. В результате 10 июля 1619 года был вынесен приговор Боярской думы, запретивший расследование краж и разбоев, совершенных во время похода Владислава в 1617–1618 гг., «потому что война была о ту пору, а не розбой». Гарантировалась и неприкосновенность имущества, взятого во время боевых действий или найденного где-либо на дороге, но лишь в том случае, если оно было записано в специальные книги на местах. Если же подобная запись отсутствовала, то имущество отписывали на государя, однако и тогда ответчик не преследовался по закону.

Амнистия, провозглашенная на собрании московских бояр, стала своеобразным послесловием к заключительному этапу Смуты, завершившемуся принятием Деулинского перемирия в декабре 1618 года. Что же до выработанных на исходе Смуты методов восстановления деятельности Разбой-

ного приказа и его агентов на местах, то они активно использовались и позднее во время царствования Михаила Федоровича, а со временем даже стали частью административной рутины, получив дальнейшее развитие во второй половине XVII века.

Первые годы после завершения Смуты стали началом нового этапа в истории Разбойного приказа, ознаменовавшегося не только возобновлением деятельности этого учреждения, но и созданием новой редакции Указной книги Разбойного приказа 1616/17 года.

Немаловажным событием стало назначение в 1621 году на пост судьи этого приказа героя Смуты, боярина кн. Д. М. Пожарского. К этому времени Пожарский уже был главой Ямского приказа и, таким образом, совмещал обе важные должности вплоть до 1628 года. До нас дошло немного сведений о его руководстве Ямским приказом: известен принятый Д. М. Пожарским и А. Подлесовым приговор 1620/21 года, возможно, он также имел отношение к двум царским указам 1627 года о количестве ямских подвод.

Гораздо лучше мы можем представить себе его деятельность во главе Разбойного приказа. Благодаря докладам, сделанным кн. Д. М. Пожарским (что само по себе говорит о проявленной им инициативе) на заседаниях царя и Боярской думы, были приняты 4 законодательных акта, занесенных в Указную книгу приказа.

«Деятельность Пожарского в этом ведомстве (Разбойном

приказе. – А. В.) отразилась в народном сознании», – так писал историк Ю. М. Эскин, ссылаясь на одну из здравиц, произнесенных комарицким крестьянином в 1624 году, которая сохранилась в материалах «слова и дела»: «Дай господи <... > государь здоров был, а нынче де смиряет воров боярин князь Дмитрий Михайлович Пожарской». Все эти факты довольно красноречиво говорят о той оценке, которую русское общество дало административной деятельности Пожарского.

Известно, что Смута ослабила власть как центрального правительства, так и местных учреждений (впрочем, для последних – в меньшей степени), а равно и степень взаимодействия между ними. В это же время отмечался доставшийся от кризисной эпохи всплеск преступности. Местные органы власти не справлялись с ней, поэтому из Разбойного приказа в течение почти 20 лет после избрания Михаила Романова в помощь посылались сыщики.

Однако экстраординарные средства, становясь массовыми, по определению теряют свою эффективность. Это вынудило правительство принять меры по восстановлению эффективности губных изб.

В 20-х гг. XVII века началось распространение института губных старост на большую территорию юга России (прежде всего, «польских городов»). Причиной тому могли стать челобитные местных жителей. Происходило усиление власти Разбойного приказа в регионе, ведь ведомство не располага-

ло своими постоянными агентами, а пользовалось услугами сыщиков и воевод.

В это же время из Разбойного приказа направляются указные грамоты с целью восстановления финансирования губных органов и упрочнения их организационных основ.

Вторая четверть XVII века стала временем проверки Разбойного приказа и губных органов на актуальность: периодически возникал вопрос о необходимости проведения преобразований. Возвращение к базовым нормам функционирования ведомства и его агентов, сложившимся до Смуты, было проблематичным из-за изменившихся жизненных реалий. Изменения в укладе русской жизни первой половины XVII века привели и к расширению компетенций Разбойного приказа вскоре после составления Соборного уложения. Теперь в компетенцию учреждения попадали и бытовые убийства, воровство и некоторые другие преступления. Это обусловило необходимость расширения законодательной базы, так как при составлении Соборного уложения использовался Литовский статут и Кормчая книга («градские законы греческих царей»), а последняя даже продолжила использоваться в приказе наряду с Уложением.

Попытки реформирования подчиненной Разбойному приказу системы губных изб во второй половине XVII века

К середине XVII века Разбойный приказ и находившиеся у него в подчинении губные избы вполне оправились после событий Смутного времени. Зримым символом восстановления стала XXII глава Соборного уложения, где содержалась не только максимально полная систематизация всего уголовного законодательства, но и новые, еще более четкие организационные основы деятельности самого приказа и его агентов. Однако недостатком систематизации было то, что она по большей части была обращена к правовой реальности прошлого, в основе своей восходившей еще к середине XVI века. Столетие, разделяющее принятие Судебника 1550 года и Соборного уложения 1649 года, принесло немало перемен в структуру местного и центрального управления. Пожалуй, наиболее значительным для исследования предложенной темы является факт смены института кормленщиков выборными представителями различных слоев общества, которых позднее потеснили воеводы. Таким образом, в середине XVII века Разбойный приказ и губные старосты боролись с преступностью в сложных условиях, когда оба эти института, созданные в историческом контексте середины XVI века, были мало приспособлены к новым явлениям в системе го-

сударственного управления середины XVII века.

Московское правительство не сразу осознало эту проблему. Несколько десятилетий после того, как Соборное уложение увидело свет, царь и его бояре пытались поправить сбои в борьбе с преступностью столь же старыми методами и прежде всего посылкой в уезды сыщиков, наделенных широкими полномочиями. Эта крайняя мера, как уже известно нам из истории Разбойного приказа, при слишком частом ее применении теряла свою эффективность, поскольку на нее тратилось слишком много ресурсов. Похоже, что правящие круги заметили, что традиционные меры больше не работают, и это привело к мысли о необходимости реформ, целью которых стала коррекция механизмов местного управления.

Между тем губной институт, как раз в основном составлявший ту часть местного управления, которая подчинялась Разбойному приказу, в середине XVII века испытал на себе несколько чувствительных ударов. Во-первых, в ходе эпидемии чумы 1654–1655 гг. во многих уездах от мора скончались некоторые губные целовальники и сторожа, а в Алексинском умерли все выборные чины, кроме губных старост.

Во-вторых, одним из следствий событий русско-польской войны стали проведенные в 1660–1661 гг. смотры губных старост и отставных детей боярских, которых можно было бы призвать в действующую армию. В результате к 1664 году было зафиксировано сокращение губных старост, когда по справке, составленной для Разряда в Разбойном приказе, в

10 городах действовало 12 губных старост, из которых только два были назначены до смотра 1660 года, хотя ранее губные старосты были не менее чем в 50 городах.

В условиях, когда друг на друга наложились война, чума, смотр и рост народных движений, от Разбойного приказа и губных изб не приходилось ожидать четкой и слаженной работы без обращения к сыщикам.

Однако указанные обстоятельства повлияли на работу не только местных органов власти, но и самого приказа. В условиях тяжелой русско-польской войны правительство остро нуждалось прежде всего в людских и денежных ресурсах. Следствием этого стали кадровый дефицит и понижение жалования, получаемого подьячими Разбойного приказа.

Сами по себе нехватка персонала Разбойного приказа и проблемы в работе губных изб не были бы таким сильным ударом, если бы не совпали с резким ростом преступности. Некоторое представление о разгуле преступности дают законодательные акты того времени, свидетельствующие о том, что государство пыталось унять преступность, прибегая как к увещаниям и милостям, так и к жестоким наказаниям. В 1653 году царь пожаловал приговоренных к смерти преступников, «велел им живот дать», а в качестве наказания отсечь по персту на левой руке и отправить в ссылку в Сибирь, в Низовые или Украинные города. При этом разбойников вообще требовалось казнить в любой день в течение недели после вынесения приговора, без оглядки на церковные празд-

ники, кроме Пасхи. Преступники лишались причастия перед казнью, а покаяние давалось лишь по желанию. В 1655 году патриарх Никон через Разбойный приказ разослал во все уезды, подведомственные этому учреждению, грамоты с обещанием помиловать всех преступников, явившихся к властям с повинной.

В то же время в 1659 году в Понизовых городах ситуация обострилась настолько, что именным царским указом землевладельцам разрешили казнить всех разбойников и поджигателей, не учитывая количество и характер совершенных ими преступлений. Ужесточение наказаний продолжалось и в дальнейшем. Так, в 1663 году царь Алексей Михайлович повелел отрубать у преступников-рецидивистов обе ноги и левую руку и те «ноги и руки на больших дорогах прибивать к деревьям», а рядом с отсеченными конечностями приклеивать листы, на которых были выписаны совершенные ими преступления. Все это делалось для того, чтобы люди знали о том, как безжалостно государство в отношении нарушителей закона. Подобные практики, судя по всему, воспринимались как чрезмерно жестокие, поскольку уже в 1666 году от них отказались.

О росте преступности свидетельствовала возобновившаяся регулярная посылка сыщиков. Известно, что в тех случаях, когда губные старосты на местах не могли справиться со своими обязанностями, а население в массовом порядке подавало в Москву челобитные, то Разбойный при-

каз направлял сыщиков для борьбы с уголовной преступностью в одном или нескольких уездах. За два десятилетия со времени составления Соборного уложения до принятия Новоуказных статей сыщики в разное время посылались в Переяславль-Рязанский, Серпухов, Тарусу, Оболенск, Алексин, Боровск, Чернь, Мценск, Орел, Одоев, Лихвин, Болхов, Владимир, Суздаль, Шую, Юрьев-Польской, Кинешму, Нижний Новгород, Кашин, Бежецкий Верх, Устюжну, Касимов, Елатьму, Муром, Шацк. Данный список можно продолжить. Причем в каждом из перечисленных уездов они действовали по меньшей мере по нескольку лет.

В таких условиях, когда власти на местах не справлялись, а сыщики годами боролись с преступностью, оставался всего один шаг до закрепления сложившегося положения дел на бумаге. Именно это и было сделано в Новоуказных статьях по разбойным и татебным делам 1669 года, вводивших сыщиков как институт на постоянной основе.

Такое положение дел сохранялось не более 10 лет. Через некоторое время после смерти царя Алексея Михайловича его сын, царь Федор Алексеевич, проводит новую реформу. В 1679 году губные старосты вместе с сыщиками были упразднены, а вся находившаяся в их руках власть передана воеводам. Вместе с губными старостами и сыщиками были отменены и другие должности местного управления. Смысл реформы заключался в том, чтобы упразднить большое количество администраторов на местах и передать все их обя-

занности одним воеводам.

Однако воеводам было очень тяжело справиться с возросшим объемом ответственности. Кроме того, взяв всю власть в свои руки, воеводы часто злоупотребляли своими полномочиями. В целом как в глазах правительства, так и в глазах местного населения у проведенной реформы было немало недостатков, так что указом 1684 года правительство вернуло и губных старост, и сыщиков.

Еще одним значительным событием в истории Разбойного приказа стало включение в 1681 году в его территориальную юрисдикцию Москвы, ранее относившейся к Земскому приказу. Вероятно, что после отмены института губных старост и передачи их функций воеводам, вершившим дела самостоятельно, правительство сочло возможным расширить круг обязанностей Разбойного приказа. Кроме того, нельзя исключать, что правительство надеялось, что Разбойный приказ будет успешнее Земского и наведет порядок в столице.

Наконец, 15 ноября 1681 года Разбойный приказ был переименован в Сыскной, при этом смена названия носила «косметический» характер и не отразилась на деятельности учреждения.

Вскоре после смерти Федора Алексеевича, весной 1682 года, в Москве произошло восстание стрельцов. В этих событиях Сыскной (Разбойный) приказ также сыграл определенную роль. В июле 1682 года во главе Разбойного прика-

за находился Андрей Иванович Хованский, а в августе его сменил Петр Иванович «Змей» Хованский. При А. И. Хованском Разбойный приказ участвовал во взыскании долгов и правеже жалованья, которое потребовали восставшие, что свидетельствует о том, что Разбойный приказ, как и некоторые другие учреждения, принял активное участие в выколачивании денег с противников Хованских.

Некоторые подробности о той роли, которую сыграл Сыскной приказ в событиях весны – осени 1682 года, содержатся в докладе, вынесенном на рассмотрение царю и Боярской думе 21 октября 1682 г. Содержание этого документа, кажется не попавшего в поле зрения исследователей событий Второй московской смуты, говорит о том, что весной – осенью 1682 года по челобитью стрельцов отписывались поместья у стольников и полковников, возглавлявших их воинские части. Конфискация и продажа земельных владений проводилась по грамотам из Приказа надворной пехоты и Сыскного приказа. Однако, как только Софья Алексеевна и ее братья, великие государи Петр и Иван, взяли власть в свои руки, они повелели вернуть земли прежним хозяевам, хотя в некоторых случаях это было непросто, поскольку ряд покупателей уже успел оформить сделку в Поместном приказе. Кроме того, с конфискациями после стрелецкого бунта могло быть связано и назначение в Сыскной приказ в 1682 году дьяка Осипа Татаринова, который до этого трудился подьячим Поместного приказа с небольшим окладом в 5 рублей.

Вскоре после того, как Смута в Москве наконец-то завершилась, правительство озаботилось обновлением судей в ряде приказов. Среди прочих 11 октября в Разбойный приказ были назначены Михаил Григорьевич Ромодановский и думный дворянин Василий Лаврентьевич Пушечников. При этом сразу после записи об их назначении было прибавлено: «и писать его Разбойным приказом по-прежнему». Скорее всего, изменение названия приказа в этот раз было сделано для того, чтобы постараться забыть о той роли, которую это ведомство сыграло в событиях 1682 года.

Однако на этом история с изменением названия интересующего нас учреждения так и не закончилась. Лишь после того, как 6 ноября 1683 года Разбойный приказ был снова переименован в Сыскной, его название больше не менялось вплоть до расформирования учреждения в 1701 году.

Судьба Разбойного приказа в начале XVIII века

Опубликованный в Полном собрании законов Российской империи указ от 2 ноября 1701 года об упразднении Сысканого приказа давно известен историкам. Указ предполагал передачу всех судебных дел вместе с подьячими, которые их вели, «в те приказы, в которых чины расправою ведомы». Именно в юрисдикцию этих приказов и переходило теперь население России, что фактически означало рассредоточение судебной власти в уголовной сфере из одного приказа во

множество других. Из этого положения указа 1701 года логически следует, что стрельцы теперь были полностью судимы в Стрелецком приказе, посадские жители – в Ратуше, дворяне – в Судных приказах и так далее. Приказы, в которые из Сыскного (Разбойного) поступали вместе с делами и подьячие, извещались об этом соответствующими памятями.

Не только документация, но и часть персонала переходила из ведомства в ведомство. Большая важность придавалась приведению в порядок финансов, составлению приходно-расходной документации и выяснению того, с каких дел и почему еще не получены пошлины, – эту информацию надлежало представить в форме доклада царю.

Однако реализация этого указа отличалась от того порядка, который был прописан в нем же самом. Дело в том, что на деле Сыскной приказ вошел в состав другого крупного учреждения с судебными функциями – Московского судного приказа.

Преобразования начала XVIII века шли по намеченному еще до Петра I пути объединения мелких и раздробленных ведомств в крупные и цельные. Этот процесс начался еще при царе Федоре Алексеевиче, и через полтора-два десятилетия укрупнение органов центрального управления охватило самые разные части приказной системы, особенно глубоко этот процесс затронул именно приказы судебного профиля: к 1704 году Московский судный приказ частично или полностью включил в себя Владимирский судный, Сыскной,

Земский, Холопий приказы, а также Патриарший разряд. Во главе столь значительного учреждения стоял боярин А. П. Салтыков.

Салтыков обладал и административным опытом, до того руководя Разбойным приказом в 1683 году. Под властью Салтыкова Московский судный приказ как крупнейшее судное учреждение того времени находился практически до упразднения в 1714 году.

Объединение приказов с судной специализацией имело смысл, потому что позволяло им более эффективно собирать недоимки и управлять в целом. Например, если раньше каждый приказ время от времени отправлял подьячих, выколачивавших из населения не полученные казной деньги, то теперь число посланников можно было значительно уменьшить, а солдаты, прежде выделяемые только Московскому судному приказу, поступали в общее распоряжение слитых воедино учреждений. Аналогично обстояло дело и с другими ресурсами, которыми располагали приказы. Вообще же и воеводам было удобнее иметь дело с одним ведомством, хотя и отвечавшим за широкий круг вопросов, нежели с 6 отдельными приказами.

Можно думать, что параллельно с укрупнением центральных учреждений в регионах шел процесс по замене нескольких институтов одним. Именно так, по нашему мнению, следует понимать указ 10 марта 1702 года, который упразднял губных старост, но при этом немедленно давал жизнь ново-

му институту воеводских товарищей. Таким образом, к 1702 году завершилась история как самого Разбойного приказа, так и подчиненных ему губных изб.

3. Тюрьмы и палачи Московского царства

В XVI–XVII вв. главным центральным учреждением России, отвечавшим за организацию и осуществление борьбы с преступностью, был Разбойный приказ, в его подчинении находилась большая часть тюрем государства, в том числе так называемые Московские большие тюрьмы. Еще с начала третьей четверти XVI века известно о существовании тюрем Разбойного приказа в Москве, охранявшихся посадскими людьми, сторожившими их поочередно. Кроме того, в самом здании приказов, возведенном в конце XVI века в Кремле, находились особые помещения («черные палаты») для содержания подследственных. Однако в них пребывало меньше узников, чем на тюремном дворе.

Статус тюрем Разбойного приказа середины XVII века был четко определен в Соборном уложении. Места заключения, находившиеся в Москве, строились и обеспечивались на казенные средства, а провинциальные тюрьмы содержались за счет местного населения. Что же до Московских больших тюрем, то уточнить их правовое положение позволяет неизвестный ранее указ Михаила Федоровича 1644 года о запрещении сажать в московские тюрьмы по некоторым из видов преступлений, а также о необходимости разреше-

ния судей Разбойного приказа для заключения под стражу и освобождении из московских тюрем на поруки или отдаче под надзор приставов тех колодников, которые находятся в тюрьме с нарушением данного указа.

Местонахождение, здания и вместимость тюрем

Достоверно известно, что по меньшей мере с конца XVI до начала XVIII век. Московские большие тюрьмы располагались на территории Китай-города, в северо-восточной части Зарядья, неподалеку от Варварских ворот, и занимали площадь 821,5 квадратной сажени (более 3 700 м²). Что касается численности узников, то наиболее точные данные имеются для середины XVII века. Так, 13 апреля 1655 года в тюрьме (имеются в виду Московские большие тюрьмы) и на Бархатном дворе, судя по всему относившемся к приказу Новой четверти, находился 541 человек, включая пленных поляков и женщин с детьми, а на следующий день к ним прибавилось еще 29 человек, присланных на тюремный двор. Из них 377 человек сидели на тюремном дворе, включавшем в себя мужскую и женскую тюрьмы, и 193 – на Бархатном дворе.

Интересные сведения о внутреннем устройстве и численности узников Московских больших тюрем содержатся в расходной записке о раздаче денег от имени Алексея Михайловича заключенным в рождественский сочельник 24 де-

кабря 1664 года. На территории тюрьмы имелось 8 изб, где содержались колодники: опальная (98 человек), барышкина (98 человек), заводная (120 человек), холопья (68 человек), сибирка (79 человек), разбойная (160 человек), татарка (87 человек), женская (27 человек). Всего же жалованье получили 737 заключенных, из которых 98 человек получили по рублю, а 647 – по 50 копеек.

Как ясно из названий изб на тюремном дворе, в них могли содержаться заключенные с разными правонарушениями: беглые холопы (холопья), разбойники (разбойная), преступники, возможно связанные с торговлей лошадьми (барышкина), лица, совершившие административные правонарушения или попавшие в опалу (опальная), а также главари разбойных и воровских шаек или зачинщики других преступлений (заводная). Отдельные избы были для женщин, татар, жителей Сибири или тех, кто, вероятно, был прислан из Сибирского приказа.

В 1672 году во время похорон патриарха Иоасафа II власти раздали по алтыну 680 заключенным Московских больших тюрем. Кроме того, в это же время в приказах находился еще 431 колодник. Таким образом, данные за вторую половину XVII века позволяют отметить незначительное увеличение количества заключенных. Это объясняется тем, что тюрьма уже была переполнена и не могла вместить всех, кого следовало бы сюда отсылать. При этом даже в первой четверти XVII века пенитенциарная система позволяла в слу-

чае большой необходимости на короткое время разместить на тюремном дворе и в других местах более 2 тысяч человек. Очевидно, что в регулярном режиме работы тюрьмы Москвы в XVII веке могли вмещать около тысячи человек, и по достижении этого числа власти уже начинали говорить о перенаселенности мест заключения.

Администрация и персонал тюрем

Во главе Московских больших тюрем стояли дворские, обычно набиравшиеся из числа московских дворян. Срок службы на этой должности мог быть довольно долгим. Например, в феврале 1617 года дворским был назначен Афонасий Кононов, который продолжал находиться на своем посту и спустя более 7 лет в 1624 году. Дворские должны были уметь читать и писать хотя бы для того, чтобы утверждать собственной подписью прием и освобождение узников.

Служба в дворских не считалась почетной, и дворяне, занимающие эту должность, старались как можно быстрее вернуться к военной службе, а потому нередко относились к своим обязанностям пренебрежительно. Известен принятый Алексеем Михайловичем указ 1663 года, рассылавшийся дворским и запрещающий вывозить тела умерших заключенных на улицу и перекрестки (т. н. кресцы). Дворские были обязаны немедленно отдать труп родственникам для захоронения, или, если родных не могли найти, требовалось

сообщить об этом в Разбойный приказ, выдававший деньги на погребение. В самом начале XVIII века приказ все так же продолжал за свой счет хоронить одиноких колодников, тела которых увозились в убогие дома.

Как глава тюрьмы дворский нес персональную ответственность за порядок на ее территории. Одной из проблем, о которой сохранившиеся источники упоминают не так часто, были постоянные побегі заключенных. Именно за непредотвращение побегов колодников в 1669 году был отставлен дворский Игнатий Захряпин, а его обязанности поручили Денису Ульянову. Впрочем, для того, чтобы побегі прекратились, одного дворского было мало, поэтому власти решили приискать еще одного дворянина на эту должность, из чего видно, что руководить тюремным двором могло несколько человек.

В прямом подчинении у дворских находился подьячий Московского тюремного двора, занимавшийся делопроизводством Московских больших тюрем. Также к ним был прикреплен и находившийся на жалованье Разбойного приказа священник, он «ведал духовностью» колодников, то есть проводил церковные службы, совершал таинства, исповедовал заключенных. За непосредственный надзор за заключенными отвечали выборные целовальники и сторожа. В тюрьме также служили палачи, приставы и недельщики. Формально они относились к персоналу Разбойного приказа и бывали в тюрьме по необходимости.

Известно, что в ряде случаев руководство и служащие тюрьмы жили неподалеку от нее. Так, в 1626 году царь Михаил Федорович своим указом повелел снести самовольно возведенные дома, в том числе и тюремного подьячего, и трех тюремных сторожей, потому что их жилье, стоявшее рядом с тюрьмами, подошло слишком близко (на четыре сажени) к крепостной стене. Какое-то время до 1656/57 года на Ипатьевской улице неподалеку от тюремного двора проживал его начальник, дворский Дмитрий Пестриков.

Как следует из приведенных данных, персонал тюрьмы был немногочисленным, и работа его была сложной, особенно учитывая, что во второй половине XVII века Московские большие тюрьмы оказались переполнены. Основная причина того, что в тюрьме было слишком много заключенных, состояла в перегруженности судебного аппарата, не успевавшего оперативно выносить приговоры заключенным. В России раннего Нового времени само по себе тюремное заключение редко являлось наказанием, а потому пребывание в тюрьме длилось вплоть до исполнения приговора. Чтобы ускорить вынесение последнего, правительство постоянно требовало от судей как можно быстрее решать судебные дела: держать колодников в тюрьме в течение ограниченного времени (несколько недель или месяц), регулярно проводить ревизии заключенных, сверяться со списками колодников для выявления тех, кто находится в заключении больше необходимого.

Переполненность тюрем

В 1672 году указом царя Алексея Михайловича Разбойному приказу было запрещено принимать без особой необходимости колодников из других городов из-за переполненности («многолюдства») Московских больших тюрем, а недавно доставленных заключенных отправлять обратно в те места заключения, откуда их прислали. В 1673 году власти повторили эту норму, уточняя, что землевладельцам также запрещено приводить людей, уличенных в преступлениях, на тюремный двор. Исключение было сделано лишь для землевладельцев Московского уезда, который издавна входил в непосредственную юрисдикцию Разбойного приказа.

В 1676 году, в самом начале своего царствования, Федор Алексеевич принял указ, в котором от руководства Разбойного приказа требовалось скорейшим образом решать дела и выпускать колодников из тюрем – в особо сложных случаях для вынесения приговора дело докладывалось царю.

Для того чтобы ускорить судопроизводство и разгрузить Московские большие тюрьмы, правительство 1683 года повелело ускорить следственные процедуры, разрешив пытаться заключенных в случае, если истцы не явятся к сроку на суд.

Перенаселение Московских больших тюрем усугублялось, вероятно, и тем, что в самом начале 1680-х гг. руководству Разбойного приказа запретили держать колодников

«за решеткою и под приказом (то есть в подвальных помещениях. – А. В.)» и распорядились перевести их на тюремный двор.

Проблемы с обеспечением тюремной общины пропитанием

Наряду с переполненностью тюрьмы другой проблемой для Разбойного приказа было обеспечение пропитания колодников. Дело в том, что последние часто не получали от государства никаких средств для приобретения пищи, а потому должны были обеспечивать себя сами. Неудивительно, что руководство приказа не запрещало заключенным подрабатывать ремеслами, получать передачи и брать деньги у родных и друзей. Среди прочего тюремные сидельцы даже занимались своеобразной коммерческой деятельностью: давали жителям столицы деньги под заклад одежды и других вещей. Мы знаем об этом благодаря тому, что по приговору Боярской думы, адресованному дворскому Денису Ульянову, взимание вещей под заклад колодниками было запрещено. Нарушителей из числа заключенных ждал кнут, а пришедших к ним с воли для залога – конфискация принесенных с собой вещей.

Перечисленные источники дохода играли важную роль, но все же они были вторичными по отношению к выпрашиванию милостыни, которое и давало основные средства к су-

ществованию. Об этом, в частности, и говорит поданная царю в 1641 году челобитная тюремной общины Московских больших тюрем.

В данном прошении говорится, что после пожара 1626 года тюремные сидельцы были временно переведены в застенок у Никольских ворот Кремля. Еще тогда царь позволил колодникам просить милостыню не только у Никольских и Фроловских ворот, но и у храма Казанской Божией Матери, располагавшегося прямо у Красной площади. Через 15 лет ситуация изменилась. Заключение жаловались, что их не всегда выпускали искать подаяния на привычные места, а когда им случалось бывать у Никольских ворот, то с ними неизменно «конкурировали» татары, получавшие столько же, сколько и остальные узники, каждому из которых в лучшем случае доставалось «по копейному хлебу или по колачику». Тюремная община из более чем 500 человек остро ощущала несправедливость такого положения дел, поскольку заключенных татар насчитывалось всего 6 человек.

Сидельцы Московских больших тюрем били челом царю, чтобы им снова было дозволено просить милостыню на том же месте, что и раньше, но теперь уже отдельно от татар. В своем прошении челобитчики особо подчеркивали, что они всегда просили подаяния, пребывая скованными цепями под охраной сторожей, никому не мешая и не вредя.

Существовал и еще один способ получить пищу – принудительные работы. Соборное уложение 1649 года разреша-

ло время от времени привлекать к работам приговоренных к тюремному заключению, «посылать в кайдалах работать на всякия изделия, где государь укажет». На данный момент единственным упоминанием о применении этой практики является тот факт, что в 1653 году Разбойный приказ специально отрядил дворянина Михаила Киреевского к «сарайному заводу», где под его руководством заключенные, возможно, участвовали в производстве кирпича для строительства или ремонта Московских больших тюрем.

Наконец, торговцы (т. н. хлебники), продававшие хлеб около тюрем, получали право сбывать свои товары в столь выгодном месте с дозволения Сыскного (Разбойного) приказа в обмен на раздачу заключенным милостыни. Размер хлебного подаяния определялся договором и, вероятно, был непостоянен, но и это должно было хоть сколько-нибудь облегчать положение колодников.

Известны случаи, когда царская власть даже старалась вмешиваться в ход жизни тюремной общины, желая облегчить материальное положение ряда ее представителей. 13 ноября 1680 года указ царя Федора Алексеевича отменил влазное – традиционный денежный взнос новичка-заключенного за право находиться в тюремной общине. Таким образом власти хотели облегчить положение бедных колодников, не имеющих средств для внесения влазного. Причем известно, что влазное до этого взимали тюремные общины и в провинциальных тюрьмах, например в елецкой тюрьме в 1623 году.

Большие перемены в обеспечении пропитания колодников должен был внести указ, принятый Алексеем Михайловичем 25 октября 1662 года. Этот законодательный акт разрешил выдачу поденного денежного жалованья (3 коп.) для заключенных черных палат московских приказов, а также установил, что с 1 декабря того же года следовало выделять столько же денег на корм всем колодникам в других городах страны. Своим появлением данный указ обязан челобитной колодников черных палат, просивших обеспечить их пропитание, подобно тому, как это уже было сделано для заключенных Московских больших тюрем, о выплате денег которым известно с первых лет после Смуты. Так, с марта по декабрь 1614 года Разбойный приказ получил из Владимирской и Нижегородской четвертей 195 рублей, а с февраля по август 1615 года – 400 рублей из Нижегородской четверти. Все эти деньги предназначались на корм заключенных.

Не менее интересно и то, за чей счет предлагалось ежедневно выделять денежные суммы на содержание колодников в Москве. Можно было бы ожидать, что это бремя на себя возьмет Разбойный приказ, отвечавший за тюрьмы, но его бюджет был недостаточен для подобных расходов. Именно поэтому обеспечивать колодников должен был приказ Большого прихода, который выделял средства по ежемесячной росписи, присылаемой из Разбойного приказа. Скорее всего, из этого же источника поступали деньги и для колодников Московских больших тюрем. Особенно важно отметить, что

в данном случае именно Московские большие тюрьмы были первым заведением, где выплачивали денежное содержание для заключенных, и на ее опыт уже ссылались заключенные черных палат, просившие о таком же пожаловании.

О реализации данного указа 1662 года известно немного. Очевидно, что кормовые деньги продолжали платить и после смерти Алексея Михайловича. Об этом ясно из указа Федора Алексеевича от 13 ноября 1676 года, запретившего выдавать кормовые деньги беглым крестьянам и зависимым людям, которых теперь должны были обеспечивать их владельцы. К сожалению, на данный момент нам неизвестно, продолжалась ли выплата кормовых денег в конце XVII – начале XVIII века в Москве и проводилась ли она вообще сколько-нибудь долго в других городах России.

Провинциальные тюрьмы

Крупный тюремный двор имелся не только в Москве, но и в Великом Новгороде и Ярославле. В последнем, кстати, даже известно о существовании особой должности главы тюремного двора, подобной дворскому. В 1625 году эти обязанности исполнял Борис Царегородцев, «которому тюрьмы приказаны», а в подчинении у Царегородцева находился сторож, хранивший у себя тюремные ключи.

В отличие от Московских больших тюрем, места заключения в провинции отличались меньшей организованностью и

масштабом. Обыкновенная провинциальная тюрьма вмещала всего несколько десятков колодников, и крайне редко их число переваливало за полсотни. Например, в шацкой тюрьме в 1626 году сидело 26 заключенных, в елецкой тюрьме в 1636 году – 16, а в 1685 году – 22 человека соответственно, а в небольшом городе Кашире в тюрьме томилось всего лишь 5 человек. Кроме того, за пределами Москвы тюрьмы обслуживались только сторожами, их не всегда хватало, чтобы надзирать за преступниками, не говоря уже о том, что здесь не имелось собственного руководства с делопроизводителем.

В XVII веке в тюрьмах некоторых городов священники проводили службы, но в ту пору это еще не стало общей практикой и делалось по случаю. Так, в Ельце посаженный в тюрьму священник ежедневно совершал богослужения по собственной инициативе, а в Вологде в марте 1652 года по указу Алексея Михайловича духовенство местных церквей приглашалось в губную избу к тюремным сидельцам, ожидавшим смертной казни, «для пения заутрени и часов, и вечерни». Однако, насколько нам известно, ни в одном из городов священник не был в штате местных учреждений и не получал оклада. К концу столетия практика привлечения священнослужителей к службе в тюрьме, вероятно, получает все более широкое распространение. Можно сказать, что и в данном случае первопроходцем стали Московские большие тюрьмы, где эта практика была более организована и распро-

странена.

Особенностью провинциальной тюрьмы было и то, что она не знала разделения преступников на отдельные группы и не подразумевала их отдельного содержания. Единственное исключение состояло в разделении всех заключенных на две условные категории: тех, кто совершил административное правонарушение, и тех, кто обвинялся в наиболее тяжких преступлениях – разбое, краже и убийстве. Представители первой категории сажались в т. н. «опальную» тюрьму, а второй – в «разбойную» тюрьму. В отличие от Московских больших тюрем, где для женщин имелось специальное пространство, в провинции для их заключения не было особых тюрем, но все же их содержали отдельно от прочих колодников. Обычно женщина ожидала своей участи прикованной к стулу в здании одного из органов местного управления: в губной или воеводской избе.

Виды пыток и смертной казни

Как мы уже говорили выше, само по себе тюремное заключение редко когда было наказанием. Обычно виновный в совершении преступления мог наказываться ссылкой, конфискацией имущества, битьем кнутом или батогами, усекновением руки, уха или ступни. Наиболее очевидным способом лишить жизни преступника было повешение, альтернативой которому являлось отсечение головы мечом или то-

пором. Упоминания о повешенных злодеях щедро рассыпаны по страницам документов XVI–XVII вв. Своей популярностью эта казнь, по нашему мнению, была обязана той простоте, с которой даже не вполне искушенный в своем ремесле провинциальный палач мог привести приговор в исполнение. Более того, учитывая, что палачи часто были в дефиците, повесить разбойника в принципе не представляло большого труда и для того, кто не являлся палачом. В отличие от повешения, точный и твердый удар, отсекающий голову топором или мечом, требовал известного навыка. За весь XVII век этот вид экзекуции встречался по сравнению с повешением сравнительно нечасто.

Источники ничего не говорят нам о том, что эти две казни чем-то существенно отличались друг от друга в сознании людей того времени. Котошихин прямо писал, что обе казни применяются «за убийства смертные и за иные злые дела», с тем лишь небольшим уточнением, что в отношении женщин он упоминает только отсечение головы и ничего не говорит о повешении.

Применение другой казни, четвертования, до середины XVII века достаточно слабо изучено в литературе. По мнению А. В. Лаврентьева и И. Майер, эта «ругательная», оскорбительная, насмешливо-издевательская» казнь была уготована за самые тяжкие государственные преступления, а поскольку столь серьезные деяния совершались нечасто, к четвертованию прибегали редко. Впрочем, четвертование

могло применяться и как наказание для тех крестьян и зависимых людей, кто покусился на жизнь своих «бояр».

Одним из самых редких видов смертной казни было сожжение, уготованное для тех, кто совершал преступления против веры или был уличен в ведовстве. Иногда сожжение, подобно четвертованию, могло также применяться к тем, кто убил своих господ.

Особым видом смертной казни, применявшейся лишь к мужеубийцам, являлось окапывание. Вот как о ней рассказывает Соборное уложение: «А будет жена учинит мужу своему смертное убийство, или окормит его отравою, а сыщется про то допряма, и ея за то казнити, живу окопати в землю, и казнити ея такую казней безо всякия пощады, хотя будет убитого дети, или иныя кто ближния роду его, того не похотят, что ея казнити, и ей отнюд не дати милости, и держати ея в земле до тех мест, покамест она умрет».

Каково бы ни было наказание за совершенное уголовное преступление, сначала требовалось доказать вину человека. И здесь было не обойтись без пыток. К этому способу развязать язык лихого человека в Московском царстве относились весьма ответственно. Для того, чтобы подвергнуть подозреваемого пыткам, были необходимы серьезные основания. Таких оснований обычно было три. Первое – задержание человека с поличным или обнаружение у него дома поличного, второе – оговор другим преступником, третье – признание подозреваемого преступником на основании «по-

вального обыска», то есть опроса населения тех мест, откуда происходил обвиняемый или где было совершено преступление.

Пытки, применявшиеся палачами Московского царства, не отличались особой изобретательностью, но при этом были, по-видимому, достаточно эффективными. Вот как описывает их в своем сочинении Григорий Котошихин: «А устроены для всяких воров пытки: сымут с вора рубашку и руки его назади завяжут, подле кисти, веревкою, обшита та веревка войлоком, и подымут его к верху, учинено место что и виселица, а ноги его свяжут ремнем; и один человек, палач вступит ему в ноги на ремень своею ногою, и тем его отягивает, и у того вора руки станут прямо против головы его, а из суставов выдут вон; и потом ззади палачь начнет бити по спине кнутом изредка, в час боевой ударов бывает тритцать или сорок; и как ударит по которому месту по спине, и на спине станет так слово в слово будто большой ремень вырезан ножом мало не до костей. А учинен тот кнут ременной, плетеной, толстой, на конце ввязан ремень толстой шириною на палец, а длиною будет с 5 локтей. И пытав его начнут пытать иных потомуж. И будет с первых пыток не винятся, и их спустя неделю времени пытаются вдругорядь и в-третьие, и жгут огнем, свяжут руки и ноги, и вложат меж рук и меж ног бревно, и подымут на огонь, а иным розжегши железные клещи нарасно ломают ребра».

Палачи

Коль без проведения пыток и наказания преступников нельзя было обойтись, властям требовались палачи. Согласно Соборному уложению, палачи выбирались из вольных людей, в Москве жалованье им платил Разбойный приказ, а в провинции – местное население.

Хотя тюрьмы и палачи имелись и в других центральных учреждениях, условия содержания и пытки в Разбойном приказе, похоже, были особенно суровыми. Иначе как объяснить то, что дьяк Иноземского приказа Михаил Агеев в ответ на жалобы сидевшего в застенке того же приказа обвиненного в убийстве капитана Христиана Улмана «батоги сулил и Разбойным приказом грозился».

Если в Москве с палачами проблем не было, то в провинции часто наблюдался дефицит заплочных дел мастеров. Без представителей этой редкой, но не пользовавшейся уважением профессии полноценное судопроизводство по розыскным делам, требовавшим пытки, было невозможно. Известно немало случаев, когда следствие останавливалось на неопределенное время в ожидании назначения или присылки из другого города палача, поскольку он был далеко не в каждом уезде. После того как в 1679 году отменили налоги на содержание губных изб, тюрем и их персонала, через несколько лет в городах, по нашему предположению, возник-

ла нехватка палачей. Последние, вероятно, не желали служить в условиях постоянной невыплаты жалованья, которое должно было выплачиваться из плохо собиравшихся и малочисленных судебных пошлин. На решение этой проблемы и был нацелен боярский приговор 16 мая 1681 года, требовавший от посадских людей во что бы то ни стало, «чтобы во всяком городе без палачей не было», выбрать заплечных дел мастеров из желающих, а если их не окажется – из молодых или гулящих людей.

Последний раз получить свой оклад полностью палачи могли в 1679/80 году, когда часть местных учреждений, скорее всего, успела собрать хотя бы часть денег с населения. В первый месяц следующего года, 22 сентября 1680 года, приговором Боярской думы всем уездным палачам была установлена оплата в 4 рубля на год, выплачиваемые из судебных пошлин по губным делам. Однако установленный оклад был меньше того, что получали палачи в первой половине XVII века, но и этих денег, как видно из жалоб некоторых воевод, могло не оказаться в казне.

4. Шерифы Московского царства: губные старосты на страже порядка в провинции

Наиболее распространенной формой организации местных органов власти, подчиненных Разбойному приказу, были губные избы, возглавляемые губными старостами. Нередко, особенно во второй половине XVII века, когда воеводы за неимением или отменой губных старост руководили борьбой с разбойниками и ворами, губные избы переставали существовать как обособленные учреждения, вливаясь со всем своим штатом в съезжие избы.

Основы организации губных изб

Несмотря на вышесказанное, в истории Разбойного приказа, насчитывавшей более 150 лет, едва ли не самой ключевой фигурой в борьбе с преступностью на местах являлся именно губной староста, как правило, выбиравшийся из дворян и детей боярских одного уезда. Обыкновенно территория уезда совпадала с полицейским округом – губой, хотя нам известно и немало исключений. К их числу относится, например, Новгородский уезд, каждая из пяти частей ко-

торого была поделена пополам, и в каждой из десяти административных единиц имелся свой губной староста. Случалось и так, что небольшие уезды объединяли в одну губу для удобства управления, а в других обстоятельствах полицейские округа, вероятно, могли дробиться, что подтверждается еще губными грамотами второй четверти XVI века, которые требовали избрания голов и целовальников для отдельных волостей и станов.

Мы не случайно уделили столько внимания исключениям и частным случаям, которые не укладываются в общую схему представлений об организации губного дела, известную как современникам, так и историкам. Рассмотренные факты недвусмысленно свидетельствуют, что, хотя сущностные черты устройства губных изб сформировались к середине XVI века, имелись и многочисленные отличия, обуславливаемые как разнообразием социально-экономического уклада Московского царства, так и конкретным историческим контекстом. Иными словами, созданная еще при зарождении Разбойного приказа модель местного управления нуждалась в постоянном приспособлении к особенностям каждого конкретного уезда и к общему ходу внутренней политики правительства. Эффективность деятельности Разбойного приказа напрямую зависела от того, насколько хватит ресурсов для того, чтобы сохранять губные институты на местах.

К 1539 году относятся первые известия о появлении *губных изб* в России. Они представляли собой органы местно-

го управления по борьбе с особо опасными преступлениями (разбой, *татьба*, убийство). Все чины *губной избы* обычно были выборными. Возглавлял ее губной староста из грамотных дворян, которые в силу возраста или увечий не могли нести полковую службу. Старосте помогали выбиравшиеся из крестьян или жителей города *целовальники*, которые брали на себя большую часть оперативной работы и даже могли участвовать в принятии судебных решений. Целовальников так называли, так как они приносили присягу и целовали крест. Кроме *целовальников* в *губной избе* были сторожа, охранявшие административное помещение и тюрьму, палач, а также иногда *бирюч*, зачитывавший населению царские указы.

Существовало три способа доказать вину подозреваемого – взятие с поличным или обнаружение поличного у него дома, оговор уже пойманным разбойником или вором, признание человека лихим, то есть профессиональным преступником-рецидивистом, в ходе обыска-опроса местного населения. По сути, эти же доказательства содержали в себе и основные следственные процедуры: обыск, допрос и пытка, опрос жителей. Очевидно, их проведение в полной мере зависело от населения и в меньшей степени от представителей других институтов власти (прежде всего воеводы). Любое из этих действий становилось бессмысленным, если губные органы не располагали поддержкой локального общества. Последнее нередко укрывало преступников и не являлось для

проведения опроса. Впрочем, нередко были и другие ситуации – жители города и уезда могли уклоняться от выплаты налогов и исполнения повинностей для обеспечения борьбы с преступностью. Губные старосты, в отличие от воевод, не имели в своем распоряжении стрельцов и других служилых чинов и вынуждены были полагаться только на свои скромные силы, а значит, без содействия населения у них почти не оставалось возможностей реализовывать свои функции. Эта проблема была характерна и для других местных институтов, но в данном случае она носила более острый характер.

Основные преимущества института губных старост

В чем же заключалось для Разбойного приказа основное преимущество губных старост перед воеводами? Прежде всего следует согласиться с таким специалистом по истории губного дела, как В. Н. Глазьев, который полагает, что в отличие от воеводы, человека чужого для горожан и уездных людей и назначаемого на сравнительно короткий срок, губной староста происходил из местных землевладельцев и хорошо знал жителей и особенности своего округа, а потому мог лучше справиться с возложенными на него обязанностями. Пристальное изучение делопроизводства Разбойного приказа позволяет раскрыть еще одну существенную причину: губных старост в отличие от воевод было значительно

легче контролировать.

Губной староста выбирался населением, однако его назначение было невозможно без приезда в Разбойный приказ, который был вправе как утвердить, так и отставить законно избранного кандидата. Непосредственное начальство губного старосты, за редким исключением, состояло из судей и дьяков Разбойного приказа, которому были подсудны все, кто служил в штате губных изб.

Кроме того, многие губные старосты занимали свои посты годами и даже десятилетиями. Более того, представители некоторых дворянских родов в двух, трех и более поколениях выбирались на эту должность. Подобная преемственность и долгие сроки службы были чреваты злоупотреблением и усилением власти отдельных агентов. Действительно, источники знают немало случаев, когда губные старосты брали взятки, освобождали преступников из тюрьмы за деньги, проводили обыски без понятых, чтобы подкинуть краденую вещь, заставляли разбойников оговаривать невиновных людей, чтобы вымогать с последних подношения, а иногда даже прямо потворствовали разбойникам за долю в награбленном имуществе. И все же для Разбойного приказа выгоды такой стабильности, когда одни и те же люди долгое время руководили губными избами, перевешивали вероятные риски, поэтому он старался всеми силами восстановить или насадить губные институты, даже если для этого приходилось поступаться принципами выборности.

Об организации выборов губных старост на Русском Севере

22 мая 1637 года в Устюге получили грамоту из Разбойного приказа, которая возлагала на местных жителей обязанность по организации губного аппарата – следовало выбрать 2 губных старост из лучших посадских и уездных людей, а также 2 губных дьяков, 8 губных целовальников, 4 тюремных сторожей и 2 избных. Разбойный приказ был вынужден пойти на такие меры, поскольку присылаемые в последние 6 лет сыщики не вполне справились со своей задачей и вызвали волну недовольства населения, страдавшего от их притеснений. Устюжане выступили против введения губного института, высказав следующие соображения: во-первых, среди них не нашлось лучших людей, которые либо жили в Москве, принадлежа к гостинной сотне, либо были заняты на дальних сибирских службах, а небогатые «молодые» люди не годились к губному делу. Во-вторых, количество разбойников заметно поубавилось, а причиной совершавшихся преступлений являлось нерадение сыщиков, вовремя не казнивших разбойников, которые, пользуясь заминкой, убежали, чтобы снова выйти на большую дорогу. Прошение устюжан было удовлетворено: уголовные дела остались в ведении воевод, а губной аппарат так и не был создан в этом северном уезде.

В начале 30-х гг. XVII века в другом северном регионе, Важском уезде, действовал назначенный из Разбойного приказа губной староста Петр Шарапов, происходивший из служилых людей другого уезда. Преследуя разбойников на введенной ему территории, он постоянно сталкивался с тем, что преступники бежали в соседние Устьянские волости, где они находили укрытие от правосудия, в руки которого население отказывалось выдавать подозреваемых. Более того, сами жители Устьянских волостей занимались разбоем как сезонным промыслом: летом грабя и убивая, а в холодное время года зиму в Введенском приходе Устьянских волостей.

С еще более существенными трудностями приходилось сталкиваться в 40-х гг. XVII века белозерскому губному старосте А. С. Козлову, который тоже не обладал поддержкой местных землевладельцев, получивших после Смуты владения в этом уезде. Судя по письмам А. С. Козлова племяннику дьяку А. И. Козлову, руководить борьбой с преступностью в этом уезде было непросто. Губному старосте регулярно приходилось сталкиваться со своеволием поместных казаков, не веривших и отказывавшихся подчиняться царским указам. Ослушники оскорбляли и били губного старосту, целовальников и даже сломали руку сторожу. А. С. Козлов не раз писал об этом в Разбойный приказ, прося о государевой грамоте «с жестоким указом», потому что даже одна указная грамота на кого-либо из «учинившихся сильно людей», возможно, заставила бы «посумниться» и прочих непокорных

казаков. Неудивительно, что в сохранившихся грамотках отчаявшийся губной староста просил своего племянника добиться в Разбойном приказе отправки на Белоозеро именно такого «жестокого указа».

Своеволие проявили и местные посадские люди. А. С. Козлов по грамоте из Москвы должен был переменить целовальника, посадского человека И. Бояркина, но посадские не послушались указа и не дали губному старосте выборов на нового целовальника. А. С. Козлов не единожды писал в Разбойный приказ, но ответа так и не дождался, о чем тоже сообщал своему племяннику.

Слабость местной дворянской корпорации и губных старост привела к тому, что в 1666 году группа белозерских землевладельцев: стольники, стряпчие, московские дворяне, жильцы, дворяне и дети боярские разных городов – подготовили челобитную об отмене у них института губных старост и передаче их полномочий воеводе. Ее составление было вызвано тем, что спустя некоторое время после смерти Ивана Ворыпанова, 20 сентября 1666 года, белозерский воевода И. Ф. Чаплин получил грамоту из Разбойного приказа, которая предписывала выбрать нового губного старосту. Местные светские землевладельцы просили разрешить их от этой обязанности, поскольку «крестьянишка наши люди бедные и губному старосте на Белоозере быть не у чево». Иными словами, челобитчики намекали на то, что они не в состоянии оплачивать деятельность губной избы.

Дальнейшая судьба этой челобитной, сохранившейся ее копии неизвестна. Впрочем, даже если она и поступила в Разбойный приказ, то последний, вероятно, отказал белоозерцам, поскольку в том же 1666 году С. Б. Торжнев был избран новым губным старостой. Он возглавлял местную губу вплоть до 1671 года, когда Разбойный приказ удовлетворил его прошение об отставке по старости и болезни. В дальнейшем губные дела были переданы воеводам и все время оставались в их руках, за исключением нескольких лет в начале 1690-х гг., когда на посту губного старосты находился Ф. А. Моложенинов.

Процессы, подобные тем, что происходили на Белоозере, Ваге, в Устьянских волостях и в Устюге, имели место и в других регионах Московского царства не только в середине, но и во второй половине XVII века.

Конфликт воеводы и губного старосты в Ефремове

В 1689/90 году подьячий Сысного приказа Афонасий Куковский приехал в Ефремовский уезд с целью выбрать губного старосту. Ефремовцы указали подьячему на Тихона Тимофеевича Бессонова как на достойного кандидата для заведования губным делом, однако вскоре некоторые жители уезда, «норовя воеводам», подали Куковскому сказку, в которой утверждали, что выбрать в губные старосты некого.

Через несколько лет, в 1694 году, Бессонов подал заручную челобитную, подписанную 19 ефремовскими помещиками, о том, чтобы назначить его губным старостой. В отличие от претендентов на эту должность в других уездах, Бессонов прежде всего апеллировал не к поддержке его местным населением, а к прошлым военным заслугам, в числе которых участие в семилетней осаде Быхова и обороне Витебска в ходе русско-польской войны 1654–1672 гг. Отставленный от службы за раны и дряхлость, Бессонов желал стать губным старостой, поскольку служившие с ним братья были устроены к каким-либо приказным/государевым делам, а он ничем пожалован не был.

Челобитная ефремовского помещика сначала поступила в Сыскной приказ, а потом была внесена к царям Петру и Иоанну Алексеевичам, которые повелели 30 апреля (по другим данным – 22-го) назначить к губному делу Бессонова.

Появление нового губного старосты в Ефремовском уезде стало источником неурядиц в местном управлении. Воевода и губной староста оспаривали полномочия друг друга: один квалифицировал дела как судные, а другой – как разыскные. Горожане и уездные люди терялись, когда речь шла о том, к какому из судей обратиться. Истцы подавали челобитную в губную избу, а ответчики по этим же делам предъявляли свои претензии в съезжей избе. Еще одна проблема заключалась в том, что Бессонов не имел разрешения или просто не успел обзавестись штатом губной избы. И губной староста,

и воевода пользовались одними и теми же караульщиками и приставами, которым приходилось ездить по одним и тем же делам то от воеводы, то от губного старосты.

Судьба института губных старост в конце XVII – начале XVIII века

В последней четверти XVII века Разбойный приказ, как и раньше, всеми силами старался обеспечить губными старостами подведомственные ему уезды. В 1661/62 году служивший 16 лет в ливенской губной избе подьячий И. Шебанов был назначен губным старостой Ливенского уезда, из местных подьячих также происходили шуйский губной староста Г. Монатын (1699 г.), елецкий А. Дегтярев (1689 г.), епифанский Д. Молчанов (1700 г.), калужский Г. Антипин (1672 г.), каширский С. Кунчуров и ряжский Ф. Сидоров (1700 г.). Назначение на столь важную должность подьячих, имевших опыт в ведении губных дел, с одной стороны, было удачным решением, а с другой – шло вопреки традиции выбора местным населением, которое едва ли доверяло бюрократам, занявшим по указу из Москвы место, по обычаю отводившееся видным представителям служилого города.

Однако было бы ошибкой думать, что институт губных старост повсеместно находился в кризисе. В ряде крупных уездов, среди которых, например, Новгородский, где служилый город имел давние традиции, губные старосты избира-

лись вплоть до самого упразднения. В других, как это было в Шацке, землевладельцы выступали за передачу власти от воеводы к губному старосте, которому они доверяли. Даже рязанские служилые люди, ругавшие своих увечных губных старост за бездействие и пассивность, всячески поддерживали этот институт и требовали назначения сыщика, судя по всему, только потому, что не могли приискать более подходящих на роль губных старост дворян. Жители Галицкого уезда тоже считали необходимым наличие губных старост не только в самом Галиче, но и в его пригородах, потому как без этого невозможно было поддерживать правопорядок.

Итак, в тех уездах, где население желало упразднения губных старост, оно обычно просило передать их полномочия воеводам. Впрочем, были и другие модели взаимодействия этих двух конкурирующих институтов. С одной стороны, в середине 20-х гг. XVI в. алатырскому воеводе И. Л. Опухтину велели «их (мордву. – А. В.) от сыщиков разбойных дел и о губных старость оберегать», а в 1663 году нижегородскому воеводе было приказано беречь местное население от губных старост, то есть, по сути, выполнять контролирующую функцию. Впрочем, оба института могли и сотрудничать. Первое известие о совместной борьбе с преступностью воеводы и губного старосты относится к 1674 году, хотя такая форма распределения полномочий могла существовать и ранее. В этом году Разбойный приказ поручил саранскому воеводе, стольнику П. Г. Долгорукову и местному губ-

ному старосте Ф. Анненкову ведать уголовные дела. В указанной грамоте из приказа не разъясняются детали сотрудничества двух представителей власти, кроме того, что Анненкову следовало заверять своей подписью отчетную документацию, отправлявшуюся в Москву.

И все же в 1679 году указом царя Федора Алексеевича губные старосты упразднились повсеместно, передавая свои полномочия воеводам. Для того чтобы решить всегда стоявшую проблему надзора за воеводами, о которой мы говорили ранее, Разбойный приказ установил новую процедуру контроля. Согласно ей отвечавший за губные дела старый подьячий съезжей избы раз в год приезжал в Москву с перечневыми росписями, где фиксировалось, сколько дел было решено, с указанием вины преступника и вынесенного ему приговора. Помимо росписей, подьячие брали с собой деньги и приходно-расходные книги.

При этом наказы расширяли власть воевод и обязывали их, в случае если преступникам будет вынесен смертный приговор, немедленно приводить его в исполнение, не сообщая об этом в Разбойный приказ. Как и прежде, казнить разбойников и воров требовалось там, где они совершали преступления, или там, где жили, «чтоб на них смотря, иным не повадно так было воровать».

Восстановление института губных старост в 1684 году мало что изменило в обозначенных нами тенденциях, учитывая которые Разбойный приказ продолжал проводить свою

политику.

К началу XVIII века в местном управлении сложилась парадоксальная ситуация. Все чаще губные старосты, вопреки традиции, не избирались населением, но назначались из Разбойного приказа; что же касается воевод, то уже были нередки те случаи, когда им доверялось губное дело по челобитным уездных жителей. Это противоречие едва ли говорит о кризисе отдельных институтов, поскольку в разных регионах дело обстояло по-своему: где-то борьбу с преступностью в основном вели губные старосты, а где-то – воеводы. Проблема была в том, что созданная в XVI веке единая система местных учреждений, подчиненных Разбойному приказу, находилась в тяжелом положении, когда в условиях изменившейся социально-политической реальности права губных изб регулярно оспаривались как самим населением, так и другими агентами власти.

Именно в таком состоянии и застал местное управление указ об упразднении губных старост (1702 г.). Расформировав этот старый институт, Петр I сразу же создал новую должность, воеводских товарищей, которые выбирались населением из дворян и должны были решать все дела совместно с воеводой на правах равноправия. Так будущий император попытался примирить выборную и назначаемую власть в масштабах всей страны, но, к сожалению, опыт этот не был удачным. В первой четверти XVIII века местное управление ожидала целая серия разнообразных реформ, которые в ито-

ге практически полностью демонтировали провинциальные учреждения эпохи Московского царства. Однако в народной памяти губные старосты уже успели занять свое место, не зря В. И. Даль записал в своем знаменитом словаре поговорку: «Умный что староста губный: всяк его боится».

5. Разработка, кодификация и основные памятники «губного права»

Документы XVI–XVII вв. не знают такого понятия, как уголовное право. При этом в самих правовых кодексах и делопроизводственных документах употребляется понятие «губное дело», к которому относились все вопросы, принадлежавшие, как правило, к компетенции Разбойного приказа и губных старост. Учитывая это, разумно говорить о существовании в России той эпохи «губного права», которое ближе всего напоминает по своему содержанию то, что мы теперь называем уголовным и уголовно-процессуальным правом.

Надо иметь в виду, что нормами «губного права» пользовался не только Разбойный приказ, но и другие учреждения, которым по случаю или в силу традиции доверялась борьба с преступностью. Таким образом, упрощая дело, под «губным правом» следует понимать совокупность юридических норм, регулировавших все возможные стороны (административную, судебную, процессуальную) губного дела.

Чтобы представить себе тот объем законодательных новелл, который охватывало «губное право», достаточно обратиться к Соборному уложению. Из 25 глав этого кодекса

с деятельностью Разбойного приказа непосредственно связаны 2 главы – XXI и XXII, состоящие из 104 и 26 статей соответственно. Из других «судебных» разделов Уложения эти главы по числу статей превосходит только гл. X, посвященная общему порядку судопроизводства, распространявшемуся на все учреждения.

Разбойный, как и прочие московские приказы, не обладал правом самостоятельно принимать основополагающие законодательные акты, но при этом активно участвовал в процессе законотворчества. Придание юридической силы тому или иному закону происходило только с распоряжения царя и/или Боярской думы, однако, поскольку нормы «губного права» не охватывали все необходимые вопросы, Разбойному приказу приходилось заниматься правотворчеством, самостоятельно изобретая решения для тех ситуаций, что не были прописаны в законах. В дальнейшем подобные неписаные нормы могли стать законом или, напротив, быть отвергнутыми.

Судьи Разбойного приказа обладали правом законодательной инициативы. В ряде случаев судья иногда вместе с дьяками докладывал царю и Боярской думе о том или ином вопросе, попутно предлагая его решение. Первый известный пример такого рода относится к 26 ноября 1555 года, когда глава Разбойного приказа боярин кн. И. А. Булгаков делал доклад царю. В докладе были обозначены 4 правовые ситуации, по которым у Булгакова были как вопросы о том, ка-

ким образом следует поступать в определенных случаях, так и конкретные предложения. Подобная практика продолжала существовать и в первой половине XVII века, когда с такими докладами выступали кн. Д. М. Пожарский, М. М. Салтыков, а во второй половине столетия – В. Ф. Извольский.

В отличие от производимых по случаю докладов царю и Боярской думе о разрешении правовых трудностей, государь и члены думы более регулярно рассматривали вносимые из Разбойного приказа статейные списки заключенных, которым высшая судебная инстанция Московского царства выносила приговор, когда приказные судьи затруднялись принять решение.

Приведем пример. Указ 1637 года о наказании преступников с малой и средней виной был принят во время того, как Михаил Федорович слушал «в комнате» статейный список. К указу примыкала помета, сделанная дьяком Разбойного приказа Иваном Трофимовым, о том, как должен был реализовываться законодательный акт и каким образом квалифицировать малую и среднюю вину.

В другой раз, в 1639 году, в указную книгу было внесено судебное решение о взыскании вытей с вологжанки вдовы Домницы, с тюремщиков которой следовало взять запись о том, чтобы не изувечить ее. Подобные судебные решения, принимаемые царем во время слушания статейного списка, носили характер прецедентных и отбирались руководством Разбойного приказа произвольно.

В иных случаях участие Разбойного приказа в законодательстве было еще более косвенным. Например, при обсуждении вопроса о восстановлении института губных старост учитывались материалы не сохранившейся выписки, которую подготовили в приказе.

Уже после того, как правовой акт был принят, царские указы и прочие законодательные материалы сохранялись в специальном месте. Так, дьяки Разбойного приказа И. Софонов и Н. Посников положили в особый ящик отписку с подлинным текстом указа Михаила Федоровича 1627 года за пометой думного дьяка Федора Лихачева. Содержание отписки обычно копировалось в указные книги, делая ненужным обращение к подлиннику законодательного акта.

Указные книги Разбойного приказа были основными, не считая Соборного уложения 1649 года и Новоуказных статей 1669 года, памятниками права, где содержались нормы, регулировавшие губное дело. К ним можно отнести характеристику А. Г. Манькова, посвященную русскому законодательству того времени: «о конкретном, предметном характере законодательства», что «связано с эмпирическим образом мышления того времени, с определенной неспособностью к большим обобщениям, абстракциям».

Сопоставление сохранившихся источников позволяет уточнить механизм их формирования. Действительно, сначала именно решение конкретного дела, занесенное в указную книгу, становилось законодательной нормой, но по про-

шествии времени, когда таких записей становилось много, назревала потребность в их систематизации и анализе. В приказе составлялась новая редакция указной книги с наиболее актуальными и необходимыми нормами, сформулированными уже в абстрактной форме. Предложенная нами схема нуждается в уточнении. В XVI веке первичные записи носили более синтетический и организованный характер, в то время как в первой половине XVII века в книгу прямо копировались указные грамоты и решения царя и бояр по конкретным делам.

Законодательство Разбойного приказа не носило всеохватывающий и комплексный характер. Отвечая на одни вопросы, оно умалчивало о других. Но это не значит, что их решение пускалось на самотек. Оно существовало по умолчанию, в силу традиции, сохраняясь в обыденном делопроизводстве. В свете этого факта неудивительно, что в приказе вынуждены были время от времени напоминать губным старостам, нередко по их просьбе, об определенных нормах. Наконец, существовал целый пласт законодательных актов, не входивших в указные книги и отражавших всего лишь текущие преобразования (Уложение Бориса Годунова, указ об отмене сыщиков). Еще одним выражением несистемного характера законодательства являются случаи, когда царь и Боярская дума заново утверждали старые нормы в виде новых указов и приговоров, несмотря на то что были известны более ранние посвященные подобным проблемам законода-

тельные акты.

Как и большая часть делопроизводства Разбойного приказа, его законодательство прежде всего регулировало процессуальную деятельность губных старост и определяло их правовой статус. Однако тот факт, что с точки зрения содержания указные книги были обращены к агентам Разбойного приказа, не должен вводить нас в заблуждение по вопросу их функциональности. Эти законодательные памятники не являлись кодексами, предназначенными для суда на местах, а носили делопроизводственный характер и составлялись для собственного пользования. Обычно губным старостам предписывалось действовать согласно выданным им наказам, в которых содержалось большинство необходимых инструкций. Отдельные положения указных книг могли сообщаться в рамках указных грамот.

Начало XVII века привело к перемене в положении дел. Изменения в правосознании, которые предстоит еще объяснить, привели к распространению Указной книги 1616/17 года в ряде частных списков. Эта тенденция в дальнейшем продолжала крепнуть – достаточно вспомнить, сколь быстро было раскуплено первое издание Соборного уложения. Во второй половине XVII века известен очень интересный случай – на суде жители одного из городов апеллировали к недавно принятым законодательным актам, в то время как контролировавший тяжбу воевода, не располагая ими, вынужден был писать в Москву.

Впрочем, еще оставались некоторые памятники права, в применении которых Разбойный приказ имел большой опыт, в отличие от других учреждений и тем более частных лиц. Речь идет о Кормчей книге, которая использовалась в Разбойном приказе уже в первом десятилетии после Смуты, когда этот законодательный кодекс еще не был напечатан и существовал в рукописных копиях. В 1624 году Разряд запрашивал информацию у Разбойного приказа о наказании, которое полагается зависимым людям, убившим своих господ. Ответная память содержала выписки из ряда подходящих судебных дел, среди которых имелось и дело убийц Семена Полибина, сожженных за свое преступление по приговору Боярской думы. Вообще сожжение, как вид смертной казни, не упоминается ни в одном из законодательных актов вплоть до Соборного уложения, но на практике оно применялось к еретикам и колдунам. Что до данного случая, то, как видно из Новоуказных статей 1669 года, такое наказание было напрямую взято из Кормчей.

В целом же знакомство с бытованием отдельных новелл и памятников уголовного законодательства приводит нас к неожиданному выводу о том, что Разбойный приказ невольно играл роль своеобразного культуртрегера в области права. Из канцелярии этого ведомства рассылались Кормчие книги губным старостам, Новоуказные статьи 1669 года – воеводам, сыщикам и в другие приказы, например в Сибирский, который в свою очередь распространял их на подве-

домственной ему территории.

Впрочем, это лишь вершина айсберга. В сотне уездов губные учреждения постоянно получали массу указных грамот и наказов, где излагались различные нормы губного права, с которыми знакомились не только губные старосты и подьячие. Ежегодно в каждой губе из числа сошных и посадских людей выбирали целовальников и сторожей, получавших от воевод и губных старост наказные памяти. Эти документы являлись чем-то вроде ордеров, удостоверявших правомочность отдельных следственных действий и очерчивавших основной круг обязанностей выборных лиц. Бесспорно, не все целовальники и сторожи были грамотны, а следовательно, способны прочесть выдаваемые им памяти, но очевидно, что содержание этих актов так или иначе сообщалось им руководством. Таким образом ежегодно сменявшие друг друга сотни жителей городов и сельских обитателей, посадских людей, ремесленников и простых крестьян на практике знакомились с нормами губного права и получали определенный опыт в их применении.

После того, как мы дали общую характеристику губного права и сказали о его особенностях, самое время показать, каким образом эти нормы действовали в реальности.

Ход судебного дела

Несмотря на то что до нашего времени дошло не так мно-

го полных уголовных дел, вполне возможно реконструировать их типичную структуру благодаря сохранившимся отдельным документам, которые могли входить в них, и актам, позволяющим понять, как работали делопроизводственные механизмы Разбойного приказа и губных изб. В ту эпоху под делом обычно понималась посылаемая в приказ совокупность документов по конкретному преступлению, по которой требовалось вынести приговор. Естественно, на этом местном уровне почти весь актовъй материал представляет собой результат работы губной избы. Но, прежде чем следственные материалы могли быть отправлены в Москву, в них должны были присутствовать два компонента.

Во-первых, это фиксация преступления, которая давала старт следствию, чаще всего в форме привода (документа о задержании преступника с поличным и предъявлении его властям), извета (заявления-челобитной, подкрепленного доказательствами), досмотра найденного тела для определения насильственного характера смерти. Во-вторых, после этого губной староста и его подчиненные были обязаны либо допросить подозреваемого и решить вопрос о заключении его в тюрьму, либо, в случае установления насильственного характера смерти, провести опрос местного населения.

Следующий этап начинался с отправки в Разбойный приказ отписки. В ней, как правило, в виде концентрированного отчета предоставлялись данные о начатых делах. В приказе принималось решение о дальнейших действиях губных

старост. Оно чаще всего выражалось в требовании предоставить в Москву подлинные документы, составлявшие дело. Обычно, если в приказе находили основания достаточными, губному старосте направлялась грамота, разрешающая пытку подозреваемого или проведение обыска (опроса местного населения). Далее материалы, приложенные к отписке, снова поступали в Разбойный приказ, где выносился приговор и, если ответчик признавался виновным, решался вопрос о возмещении им ущерба, нанесенного истцу. Финальным аккордом дела становилось получение в приказе решения о приведении приговора.

Представленная схема хотя и верна в основных своих моментах, но, будучи умозрительной, не может полностью соответствовать реальности, поскольку существовали и некоторые исключения. Одним из таких исключений было примирение истцов и ответчиков в уголовных делах.

Можно ли было пойти на мировую с преступниками?

Государство долгое время не позволяло мириться истцам и ответчикам, признавая социально опасный характер тяжких уголовных преступлений. В Уставной книге 1555–1556 гг. примирение с преступниками было запрещено «для земских дел, чтоб лихих (людей. – А. В.) вывести». Указная книга 1616/17 года подтвердила запрет, установив еще и пе-

ню для истцов, которые будут приносить мировые челобитные. В таком виде эта законодательная новелла вошла и в Соборное уложение 1649 года.

В чем же была причина популярности мировых в разбойных татевных и убийственных делах? На первый взгляд истцы не были заинтересованы в том, чтобы преступники, от которых они пострадали, избежали наказания, однако это не так. Во-первых, не все правонарушения, подпадавшие под компетенцию Разбойного приказа, были в действительности опасны для общества или совершались с особой жестокостью – часто приказ имел дело с мелкими кражами, грабежами и убийствами, происходившими в ходе спонтанных конфликтов. Во-вторых, истец был особенно заинтересован в компенсации понесенных им убытков и в случае примирения имел больше шансов вернуть все или почти все имущество. Несмотря на то что в результате розыска власти принуждали ответчика возместить урон, на практике это не всегда получалось сделать сполна. Например, если показания преступников о количестве украденного или награбленного, полученные под пыткой, отличались в меньшую сторону от того, что заявил истец, судьи рассчитывали компенсацию со слов преступника.

События могли развиваться и по иному сценарию. Что, если в руках палача вор признается в совершении целой серии краж? Тогда имущество преступника будет «развычено», т. е. разложено на доли (выти), которые пойдут на удо-

влетворение истцов. Часто бывало и так, что после продажи движимого и недвижимого имущества преступника полученных денег не хватало для полноценной компенсации каждому из пострадавших, которым возмещалась лишь малая толика отнятого у них. Наконец, в-третьих, судопроизводство было делом хлопотным, требовавшим времени и денег при неясности конечного результата. Значительно экономнее было пойти на мировую, избегая как судей, желавших подношений, так и столь привычной для той эпохи приказной волокиты.

Полюбовное разрешение тяжбы между истцом и ответчиком в целом было невыгодно для Разбойного приказа, руководство которого резонно опасалось, что воры, разбойники и убийцы раз за разом будут уходить от ответственности, а уровень преступности – расти. Однако был еще и финансовый аспект: приказ не получал законные пошлины, поскольку истцы, уговорившись с преступниками, не ходя в суд, «емлют свои иски без государева указа таем». Более того, движимые алчностью истцы могли после заключения мировой бить челом в приказ на тех же преступников, требуя компенсации причиненного ущерба.

Насколько примирение истцов с преступниками было обычным делом, видно из письма тульского помещика Афонасия Никифорова, увещевавшего брата не мириться с Евлампием Мишенским по делу, находившемуся в Сыскном приказе, лишь потому, что ответчик сначала уговорился ула-

дить дело полюбовно, но потом «посмеялся да уехал».

О том, как вообще происходило примирение, можно судить из следующего дела. В 1654/55 году братья Каверя и Осип Бердяевы, а также сын одного из них Семен и племянник Григорий Степанов вместе со своими людьми приехали в село Григорово, где проживали Осип и Артемий Лихаревы. Бердяевы били братьев Лихаревых, оскорбляли их мать и жену Осипа, досталось и местным жителям, в столкновении с которыми убили крестьянина Ивана Аникеева. Когда же Лихаревым удалось укрыться от нападавших в хоромах, те принялись сечь двери и окна саблями, а затем подожгли солому, чтобы выкурить их из дома. Судя по всему, Бердяевым не удалось заставить оборонявшихся покинуть стены жилища, после чего грабители схватили одного из людей Лихаревых, обокрали их и уехали. Пострадавшие били челом на Бердяевых в Разбойном приказе, оценив свой иск в 120 рублей, но Каверя, Осип и Семен, «узнав свою вину, не дожидаячи государева указа и тому делу вершенью», пошли на мировую с истцами. Бердяевы дали на себя запись, в которой обещали явиться с повинной в четверг первой («светлой») недели Пасхи 1656 года в село к Лихаревым и при посредниках С. Я. Полуехтове и Я. И. Монастыреве, вероятно, обсудить условия заключения мирового соглашения.

Распространенность мировых нуждалась в легализации. Новоуказные статьи в целом повторили запрет на мировые из Соборного уложения, но дополнили его небольшой ого-

воркой, разрешив примирение только в своем иске. Фактически же это было равносильно легализации мировых по тяжким уголовным преступлениям вообще. Уличенный в преступлениях против нескольких лиц человек продолжал находиться под следствием даже после того, как примирился с некоторыми из истцов.

Искусно вписанная в прежнюю законодательную новеллу оговорка снимала многочисленные противоречия между интересами государства и частных лиц. Дозволяя примирение, Разбойный приказ не ограничивал свои полномочия по борьбе с преступностью и при этом уступал населению, давно прибегавшему к подобной юридически запрещенной практике. Кроме того, уголовное дело, по которому подавалась мировая челобитная, считалось закрытым («вершеным»), что улучшало показатели эффективности деятельности приказа, избавленного в данном случае от необходимости руководить непростыми процедурами. Казна также выигрывала от такого решения: по договоренности один из участников мирового соглашения (обычно преступник) выплачивал все необходимые пошлины с передаваемой истцу компенсации и покрывал иные судебные издержки. Если в челобитной не указывалось, с кого следует взимать пошлины, то они разделялись пополам между истцом и ответчиком.

Наконец, легализация позволила, как следует из обнаруженного нами законодательного акта, установить размер по-

шлин, взимаемых за мировую челобитную. 18 апреля 1687 года судья Разбойного приказа В. Ф. Извольский по царскому указу приказал брать по гривне (10 коп.) с тех, кто принесет мировую челобитную, и записывать эти деньги статьей в приход.

6. Преступность в Москве XVI–XVII вв.

Уже в XV веке, когда Москва стала столицей единого Русского государства, численность ее населения составляла десятки тысяч человек. В XVI веке число жителей города выросло до 100 тысяч, в XVII веке приблизилось к 200 тысячам человек. Столица была не только самым большим городом Московского царства, но и одним из самых крупных городов Европы той эпохи.

Ночные улицы густонаселенной Москвы были небезопасны. Грабежи и кражи были обычным делом и заставляли обывателей не только обзаводиться крепкими замками, но и быть осторожнее после захода солнца. А если случалось кому возвращаться домой затемно из гостей, то заботливые хозяева старались снабдить его вооруженными слугами. Для того чтобы хотя бы частично обезопасить столичные улицы, великий князь Иван III в 1503/04 году устроил в городе особые решетки.

Побывавший в России в 1517 и 1526 гг. австрийский посол Сигизмунд Герберштейн писал, что в ряде мест улицы при наступлении темноты перекрываются бревнами, решетками или воротами, которые стерегут приставленные к ним сторожа. Всякого, кто появлялся на улицах в неурочное вре-

мя, могли бросить в тюрьму, исключение делалось лишь для знатных людей, которых сторожа провожали до дома.

Земский приказ – центр управления Москвой XVI–XVII вв.

Сама по себе организация решеток, хотя и ограничивала перемещение преступников по ночам, не была достаточной мерой для обеспечения безопасности в Москве. Столица нуждалась в особой системе управления. В 1500 году впервые упоминается особый земский дьяк, который вместе с другими должностными лицами ведал нуждами города. Позднее, при Иване IV Грозном в середине XVI века, был создан Земский приказ, который впервые появляется на страницах исторических источников в 1564 году. К началу XVII века это ведомство в связи с ростом города стало располагаться в двух зданиях, в Старом и Новом Земском дворе, которые находились на месте современного Исторического музея и Манежа соответственно.

В компетенцию Земского приказа входили едва ли не все вопросы, связанные с обеспечением жизни столицы. Руководство этого учреждения и его служащие отвечали за профилактику и тушение пожаров, строительство мостов, делавших удобным перемещение по столичным улицам, боролись с корчемством и азартными играми, собирали налоги с местного населения и судили его по уголовным и гражданским

делам.

Обеспечение правопорядка ложилось на плечи сотских и десятских, назначавшихся из дворян объезжих голов, которым помогали выборные горожане. Кроме того, улицы охранялись упоминавшимися ранее сторожами и решеточными приказчиками.

О злоупотреблении судей Земского приказа

Как мы видим, в распоряжении начальников Земского приказа находился большой объем власти, который соблазнительно было использовать для собственного обогащения. Упреки руководства этого учреждения в злоупотреблении служебными полномочиями звучали с самого момента его появления. Вот что писал о Земском приказе Генрих Штаден, проживший в России с 1564 по 1576 год: «Сюда приводились на суд все те, кого пьяными находили и хватали ночью по улицам. Штраф был в 10 алтын, что составляет 30 мариенгрошей или польских грошей. Если где-нибудь в тайных корчмах находили пиво, мед или вино – все это отбиралось и доставлялось на этот двор. Виновный должен был выплатить тогда установленный штраф в 2 рубля, что составляет 6 талеров, и к тому же бывал бит публично на торгу ба-тогами. Было много приказчиков или чиновников, которые за этим надзирали. И прежде чем приведут они кого-нибудь на [Земский] двор, еще на улице могут они дело несправое

сделать правым, а правое, наоборот, неправым. К кому из купцов или торговых людей эти приказные не были расположены, к тем в дом подсылали они бродягу, который как бы по дружбе приносил стопочку вина. За ним тотчас же являлись приказные и в присутствии целовальников хватали парня вместе с хозяином, хозяйкой и всей челядью. Хозяину приходилось тогда растрясать свою кошину, коли он хотел сохранить свою шкуру».

В дальнейшем в середине XVII века злоупотребления руководства Земского приказа стали одной из причин Соляного бунта. Как известно, восстание 1648 года началось с того, что москвичи с возмущением пожаловались на судью Земского приказа Леонтия Степановича Плещеева за то, что терпят «во всяких разбойных и татиных делах по ево Левонтьеву (Плещеева. – А. В.) наученью от воровских людей напрасные оговоры». В результате царь Алексей Михайлович вынужден был приговорить Плещеева к смертной казни, однако ненависть народа к бывшему главе Земского приказа была столь велика, что москвичи отбили его у стражи по пути на Лобное место и жестоко расправились с ним.

Во второй половине XVII века ситуация со злоупотреблениями едва ли изменилась. Так, в Москве ходили слухи о том, что глава Земского приказа с 1656 по 1672 год, думный дворянин Прокофий Кузьмич Елизаров, дает возможность разбойникам откупиться от наказания.

Анонимный донос царю Алексею Михайловичу

Еще больше сведений о том, как велики были злоупотребления властей, управлявших Москвой, можно узнать из анонимного доноса царю Алексею Михайловичу. «Будет, что у тебя, государя, близ твоего царского дворца, великое воровство чиниться на земском дворе. Многие ведомые воры из ссылок собрались, записываются в метельщики, и многие беглые рейтары и солдаты, и всякие служилые люди, збегши с твоей великого государя службы, живут для воровства, *торгуют вином и табаком* во всех избах ортельми, вино продают в чарки и в ковши, и в скляницы, и под заклады дают, а заклады принимают татинные и разбойные, и сами пьяных грабят. А деньги они делят помесечно, а достается им на месяц рублей по пятнадцати и больше, да они ж нарядчикам с артели дают рубли по три и по четыре на месяц. А всего у них винной и табачной продажи сходится на месяц рублей по тысяче и больше. А зернью, государь, они, запоя пьяных, все заговором оговаривают и даром отнимают и грабят, кости и карты подделывают, а Земского, государь, приказу начальные люди про то их воровство, про все ведают, да покрывают, потому что они и с ними во всем делятся, и они их во всем покрывают да из стороны оберегают. И ныне их, воров, собралось на Земском дворе больши тысячи человек, и от того их воровство твоей великого государя службе великая

спона, и многие, государь, от них дома разорились. Да они ж, метельщики, держат у себя молодых ребят и чинят с ними содомский грех, и беззаконие от них многое чинится».

Задержания ноября – декабря 1647 года

16 ноября 1647 года вор Ивашка Шкара сбежал из тюрьмы Земского приказа. Посланный на его поиски отряд из 30 человек во главе с Григорием Гридцовым быстро нашел беглеца в его собственном доме. Неожиданно для себя власти раскрыли настоящий воровской притон, задержали еще четырех воров: Никитку Коробейникова, Омельку Пороховщика, Ивашку Зайца и Ивашку Меньшого Барышникова. Кроме того, у Шкары нашли большое количество краденого имущества и изъяли орудия преступлений («татинные снасти») – ломы и ключи.

Возвращенный в Земский приказ Ивашка Шкара под пытками указал, что его знакомый Филка Рогов украл лошадей у одного из москвичей. Филку Рогова также вскоре привели к допросу, на котором он сознался в конокрадстве. Интересно, что властям не понадобилось долго искать Рогова, сидевшего все это время за приставом в Земском приказе. Как выяснилось, днем он сидел под стражей, а ночью уходил заниматься своим преступным ремеслом, так что успел принять участие в шести кражах и двух грабежах. Вместе с Роговым на дело ходили 24 человека, из которых быстро

удалось разыскать лишь трех преступников. По показаниям преступников удалось установить 22 скупщиков краденого, из них 6 человек признали свою вину, 7 человек отрицали предъявленные им обвинения, а остальных подозреваемых задержать не удалось.

Помимо этого, Рогов открыл властям еще один притон, который держал зависимый человек боярина князя Д. М. Черкасского Васька Бестужев, также занимавшийся кражами, причем помогал ему в качестве наводчика один из решеточных приказчиков. Часть подельников Бестужева благодаря оперативным действиям подчиненных Земскому приказу людей удалось арестовать.

Однако на этом задержания не прекратились. 29 ноября поймали татя Тимошку с поличным. Вместе со своими товарищами он совершил почти 20 грабежей и краж. Кроме того, две кражи закончились неудачно. В первый раз шайку воров чуть не поймали на месте преступления, а во второй раз потолок дома, где хранились ценности, оказался слишком крепок, чтобы его разобрать. Интересно, что среди его подельников были не только гулящие люди, но и пристав одного из центральных судебных ведомств государства, Московского судного приказа.

Еще две шайки преступников обезвредили 9 декабря благодаря доносам, один из которых был подан воров Артюшкой Игнатьевым. Подельники Игнатьева, в отличие от других московских преступников, ходили совершать кражи в Дмит-

ров, а продавали краденые вещи в столице. Не совсем типичным было и социальное происхождение преступников, среди которых все, кроме одного дмитровского гулящего человека, были солдатами.

Задержание отдельных преступников шло и после 9 декабря и продолжалось почти до конца декабря. В целом же в результате действий Земского приказа с 16 ноября по 25 декабря 1647 года задержали 25 воров, сознавшихся под пытками в 57 кражах и грабежах. Были установлены имена их подельников (33 человека), которых так и не смогли разыскать. Из 49 скупщиков краденого задержали лишь 28, большая часть этих людей признала свою вину в совершении преступлений.

О проблемах при организациях облав

Подобные крупномасштабные задержания было достаточно непросто провести так, чтобы они закончились успехом. В 1687 году по решению царя и думы Сыскному приказу, который в то время боролся с преступностью в столице, предстояло совершить рейд по всем столичным слободам, где могут жить преступники, против которых имелись серьезные доказательства. Обыски и облавы следовало проводить, не сообщая о них в другие приказы, которые управляли этими слободами, для того чтобы подозреваемые не убежали, скрыв улики. Однако, как следует из второй части законодательно-

го акта, Сыскной приказ все же был обязан известить другие приказы, но, вероятно, во время или даже после проведения следственных действий, когда возникнет надобность в послушных грамотах, подчинявших слободских старост и других чинов агентам Сысского приказа.

Московские карманники

Как мы видим из приведенных ранее примеров, чаще всего преступления совершались в темное время суток в Москве. Однако и днем в столице не стоило терять бдительности, поскольку на улицах зазевавшиеся горожане могли стать жертвой карманников. Впрочем, термин «карманник» не совсем применим к той эпохе, так как в русской одежде допетровской эпохи не было карманов. До начала XVIII века воры срезали мешочек с деньгами (*мошну*), подвешенный к русской одежде. Именно поэтому предшественников воров-карманников иногда называли мошенниками.

Хороший пример того, как действовали преступники, снимавшие имущество жертвы с ее одежды, представляет нам следующая история. 1 октября 1692 года в Москве проходил крестный ход в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Среди тех, кому власти поручили следить за порядком во время этого мероприятия, были подьячие Василий Юдин и Роман Артемьев. Стоило им потерять бдительность, как они стали жертвой воров, укравших у подьячих по набору

из ножа и вилки. Рукояти столовых приборов были украшены лазоревой финифтью и позолоченными жуками из серебра. Вещи эти являлись не только красивыми, но и дорогими: каждый набор оценивался в 5 рублей.

Найти вора по свежим следам подъячим не удалось. Хотя подозрение пало на мальчика Гараську, который глазел на крестный ход неподалеку, поличного у него не нашли. Мы не знаем, чем закончилось это дело, но обычно в таких случаях у жертв карманников оставалась надежда на то, что их краденые вещи всплывут у кого-либо из торговцев.

Именно так и произошло в случае с торговым человеком Иваном Дмитриевым, у которого ночью грабители отняли шапку, нож, мешочек с 7 рублями и ключи от лавки. На следующий день после ночного столкновения с лихими людьми Дмитриев заметил все свои вещи, выставленные на продаже в одной из лавок. Естественно, незадачливый скупщик краденого был задержан и наказан.

Разбойная экспедиция из Москвы

Ранее мы уже упоминали, что одна из шаяк, которую задержали во время облавы в Москве в 1647 году, хотя и базировалась в столице, где сбывала награбленное, но занималась преступным промыслом в другом городе. По-видимому, существовали и другие банды, которые действовали подобным образом.

О том, как формировались такие компании преступников, можно составить представление из показаний солдата Микитки Игнатьева. Родом Игнатьев был из Казани, где проживал у одного из стрельцов в хозяйстве до тех пор, пока зимой 1685 года не перебрался в Москву. В столице он скитался меж постоянных дворов, зарабатывая на жизнь портным делом, вплоть до середины апреля 1686 года. В это время москвич Васька Иванов собрал группу из 13 гулящих людей, в которую вошел и сам Игнатьев. При этом интересно, что по именам он знал всего несколько своих подельников, остальные утаивали свои имена, отчества и происхождение. Васька Иванов провозгласил себя атаманом и, скорее всего на свои средства, в устье Яузы купил большую лодку вместимостью более 16 человек и грузоподъемностью до 500 пудов.

Из устья Яузы экспедиция разбойников двинулась по Москве-реке, затем по Оке и дальше по Волге мимо Нижнего Новгорода до Балахны. Первой жертвой преступников стала встреченная на Оке лодка, затем последовали и другие суда. В результате недельного рейда преступники взяли денег более чем на 2500 рублей и имущества более чем на 500 рублей. Вся эта по тем временам огромная добыча была поровну поделена между всеми участниками разбойных нападений.

Корчемство, азартные игры и проституция

Как видно из уже упоминавшегося нами анонимного

письма, содержание которого дошло до самого царя, многие из тех, кто был связан с преступным миром или являлся его частью, занимались корчемством, то есть незаконной продажей вина. И это неудивительно, ведь подпольная торговля алкоголем в большом городе приносила огромные барыши. Спрос подогревал и тот факт, что легальных кабаков было немного – в 1626 году на всю столицу приходилось всего 25 подобных заведений. Подпольные места, где можно было выпить, не только наносили ущерб казне, но и справедливо считались притонами, где могли встречаться преступники, где играли в такие азартные игры, как карты и зернь (кости), где обирали и обкрадывали пьяных посетителей. Наконец, в корчмах можно было попробовать табак, находившийся под строгим запретом, и даже найти продажную любовь.

Документы сохранили не так много сведений о проституции в Москве, да и вообще в России XVI–XVII вв., зато в сочинениях иностранных авторов есть несколько любопытных мест на эту тему. Вот что пишет Адам Олеарий, побывавший в Москве в 1636 и 1639 гг.: «Перед Кремлем находится величайшая и лучшая в городе рыночная площадь, которая весь день полна торговцев, мужчин и женщин, рабов и праздношатающихся. Вблизи помоста, где на вышеозначенном рисунке представлены великий князь и патриарх, стоят обыкновенно женщины и торгуют холстами, а иные стоят, держа во рту кольца (чаще всего – с бирюзой) и предлагая их для продажи. Как я слышал, одновременно с этой торговлею

они предлагают покупателям еще кое-что иное».

Другой иностранец, посетивший эти же торговые ряды в 1678 году, прямо говорит то, на что всего лишь намекал Олелари: «Некоторые во рту держали колечко с бирюзой; я в недоумении спросил, что это значит. Москвитяне ответили, что это знак продажности бабенок».

Подводя итог преступности в Москве, нужно отметить, что воровской мир столицы отличался от провинциального. В густонаселенном городе, где на улицах были сторожа, трудно было совершать разбой, поэтому здесь процветали домовые и карманные кражи. К тому же московские разбойники, по-видимому, старались избегать поджога, излюбленного приема провинциальных преступников, желавших скрыть следы злодеяния. Огонь мог не только привлечь внимание объезжих голов, но и попросту уничтожить весь город.

Внимательный читатель уже отметил, что преступники, о которых мы рассказывали, в основном происходили из низших слоев населения, зависимых и гулящих людей. На тернистый и недолгий преступный путь их часто толкала нехватка средств к существованию. Если верить австрийскому послу Августу Мейербергу, который побывал в Москве в 1661–1662 гг., то господа не только не давали многим холопам хорошей одежды, но и кормили их дурной едой. Неудивительно, что многие из слуг грабили дома и отбирали деньги и одежду у тех, кто рискнул без охраны пройтись по улицам ночной столицы. Также Мейерберг упоминает о том, что

личные сторожа часто покрывали или потворствовали ночным грабителям за долю в добыче, в чем мы успели убедиться ранее, когда рассказывали о задержаниях 1647 года.

Однако не только зависимые или гулящие люди совершали преступления. Случалось, что и представители правящей элиты не гнушались лично разбойничать и убивать. Например, в 1688 году задержали стольника князя Якова Ивановича Лобанова-Ростовского и дворянина Ивана Микулина, которые вместе с подручными убили во время разбойного нападения двух крестьян. Сам князь отделался ударами кнута, а вот его сообщников повесили. Наконец, не стоит забывать о необычайно громком деле банды стольника Прохора Кропотова, о котором мы уже рассказывали в одной из глав этой книги.

7. Из истории нескольких уголовных дел XVI–XVII вв.

Архивы судебных учреждений и местных властей XVI–XVII вв., борющихся с преступностью, сохранились недостаточно хорошо. Большинство судебных дел было утрачено, другие дошли до нас в отрывках, но даже и те немногие документы, которые полностью пережили многие столетия, всего лишь рассказывают нам о самых типичных и тривиальных уголовных делах. Из всего объема известных данных мы выбрали несколько наиболее интересных историй, которые отличаются от основной массы преступлений, оставивших след в исторических источниках.

Разграбление монастыря и убийство Адриана Пошехонского

История преподобномученика Адриана Пошехонского в основном известна нам из его жития, обладающего высокой достоверностью. В центре первой части этого памятника, составленной в начале 70-х гг. XVI века, находится земной путь игумена Адриана, жестоко убитого группой разбойников в марте 1551 года. Во второй части, датируемой концом 20-х гг. XVII века, рассказывается об обретении мощей пре-

подобномученика, а также о чудесах, происходивших от них и от Адриановской иконы Успения Божией Матери.

Предметом нашего анализа является житийный рассказ о последнем дне жизни игумена Адриана, о поисках и наказании его убийц, ограбивших монастырь, помещенный под заголовком «Страдание преподобного отца нашего игумена Адриана от разбойник» в первой части жития.

В ночь с 5 на 6 марта вооруженные жители Белого села ворвались в монастырь и, найдя спрятавшегося игумена Адриана, стали пытать у него местонахождение ценного монастырского имущества. Вскоре игумен отдал им сосуд с 40 рублями, собранными братией на строительство большой монастырской церкви, после чего с ним жестоко расправились. Выставив у обители охрану и бросив связанных насельников в подпол, они продолжили грабеж, забрав медь, воск, книги, ларцы, одежду и другую церковную утварь, а также лошадей с возами. В то же время, сломав затвор одной из церквей, они ворвались в алтарь, схватили и начали жестоко пытать трех учеников Адриана, а старца Давида убили сразу же. Тело самого преподобномученика было спрятано разбойниками где-то в окрестностях.

Вернувшись с разбоя, белосельцы распределили награбленное и разошлись по домам. Между тем один из разбойников при дележе добычи утаил ларец, в котором ожидал найти золото, серебро и другие драгоценности. Его надежды не оправдались: оказалось, что в ларце игумен Адриан,

известный своей любовью к иконописи, хранил образы, кисти и другой художественный инвентарь. Испугавшись своего открытия, преступник немедленно пришел к их приходскому священнику попу Косарю, который был организатором и идейным вдохновителем разбоя, и просил у него прощения за то, что «дерзнул неподобная украдох у своя братаи».

Вскоре собравшаяся «братия» во главе с Косарем осмотрела ларец. Общее мнение высказал сам поп: «Се же бе на нас полищное, се злое». После чего вместе с разбойниками стал думать о том, где бы спрятать злосчастный ларец. Размышления державшего совет духовного отца услышал один из служителей той же церкви Св. Георгия по прозвищу Баба, что наводит на мысль о возможном месте проведения собрания: дворе Косаря или церкви.

Дальнейшая часть рассказа посвящена тому, как тот самый разбойник Иван Матренин, сокрывший ларь, был схвачен и передан в руки властям, раскрывшим преступление и наказавшим виновных. Ее мы рассмотрим наиболее подробно, поскольку она представляет для нас особый интерес. После того как Баба услышал речи разбойников, нам сразу же сообщают, что «поцепихше злодея сего татя Ивана Матренина» привели его к судьям. Но кто взял его под стражу и кому из представителей власти доставили его? На эти вопросы мы не находим ответа. Составитель жития отделяется здесь неясной для историка формулировкой, впрочем доста-

точной для произведения подобного жанра: «и принял его (Матренина. – А. В.) ко своим, преж государских слуг, сиречь стражем начальным старостам Симеону да Ивану с товарищи с протчими старосты же царские и целовальники повеле...». В дальнейшем рассказчик поясняет, что это были «царские прикащики и старосты губные». Все эти сообщения нуждаются в комментариях.

Начнем с наиболее очевидных фактов. В тексте прямо говорится как минимум о двух губных старостах по имени Симеон и Иван. С большой уверенностью можно сказать, что первый являлся представителем дворовой литвы, записанный в дворовой тетради по городу Романову, князь Семен Александрович Гнездиловский. Он фигурирует как пошехонский и романовский губной староста в 1560 году, спустя 10 лет после убийства Адриана, и в этом нет ничего удивительного, если учесть, что в некоторых случаях губные старосты могли в течение более чем 10 лет сохранять свой пост или избираться несколько раз на значительные сроки. Другого губного старосту возможно идентифицировать с Иваном Плюсковым, занимавшим эту должность в 1564 году. Вероятно, он и кн. С. А. Гнездиловский вместе возглавляли Пошехонско-Романовский округ.

Итак, налицо существование в середине XVI века общей пошехонско-романовской губы, разделенной на более мелкие округа, от каждого из которых избирались губные целовальники. Но кто же еще разбирал дело о нападении на По-

шехонскую обитель и убийстве Адриана, кроме губных старост? Помимо губных старост и персонала губной избы, рассказчик упоминает о неких «царских прикащиках». Дело в том, что Белое село уже в начале XVI века по завещанию Ивана III было царской вотчиной, перешедшей по наследству к Василию III, а значит, оно и его жители ведались теми самыми царскими приказчиками.

На взаимоотношения последних с губными старостами проливает свет уставная грамота царским Подклетным селам Переяславского уезда. Согласно ей выборные земские судьи должны были в случае татьбы или разбоя судить вместе с губными старостами по губным грамотам. Подобный механизм действовал в дальнейшем и в других случаях: например, ямской староста также обязан был участвовать в суде с губными старостами подведомственного ему человека. Представляется, что в таких судах роль первой скрипки играли все же губные старосты, но даже в этих случаях у их партнеров по процессу оставалась важная функция «бережения», то есть надзора и контроля за судом. Естественно, в 1550 году, когда земская реформа еще не началась, место выборных судей занимали царские приказчики, и именно поэтому они присутствовали на процессе для защиты интересов своих подопечных.

Изъяв поличное у Матренина, губные старосты сочли возможным сразу же привести его к пытке. Будучи поднятым на дыбу заплечных дел мастером, он вскоре начал давать пока-

зания перед «многими людьми» (т. е. всеми теми, кто, как было указано выше, вершил суд), сознавшись не только в этом преступлении, но и в других злодеяниях, совершенных им ранее. При этом Матренин указал имена своих поделников-белосельцев. Он рассказал, что после убийства они бросили тело Адриана на рубеже двух волостей, а наутро собирались сжечь в костре, но не обнаружили его на оставленном месте. Проведя следствие, губные старосты и царские приказчики писали в Разбойный приказ, отослав туда материалы дела для вынесения приговора.

Обратим внимание, что губные старосты начали пытаться Ивана Матренина, если верить житию, только по результатам изъятых поличного. Хотя памятники того времени обычно выдвигали необходимым условием для пытки проведение обыска, в них все же не содержалось четкого ответа на вопрос, когда можно было считать подозреваемого «доведшимся» до пытки. А значит, здесь губной староста и его товарищи должны были принимать решение самостоятельно. В Москве довольно быстро отреагировали («не по многе времени») на присланные материалы разбойного дела и вынесли свой приговор («повеление царево»): Иван Матренин был повешен, а остальные приговорены к пожизненному тюремному заключению.

В житии также сообщается, что имущество виновных («дворы их и статки и животы их с пашнями...») было продано и составило 50 рублей, отданных в Разбойный приказ:

«повеле (царь. – А. В.) цену сел их привести в Разбойную избу иже бе цена их и донине тамо вселяется...» Здесь есть противоречие. Согласно губным грамотам и наказам губным старостам, наказав виновных, как правило, необходимо было конфисковать их имущество и продать, а в счет этих денег выплатить сумму ущерба, нанесенного истцу. Оставшиеся после компенсации деньги поступали в казну. Согласно житию, все конфискованное имущество после продажи оказалось в собственности государства. Однако было бы странно, если бы монастырь не получил компенсации крупных убытков (более 40 рублей), которые он понес от разбойников. Разрешить это противоречие однозначно нельзя, и нам придется ограничиться гипотезой. Первоначальная сумма, отправленная губными старостами в Москву, была больше 50 рублей. Через некоторое время после того, как ее получили в Разбойном приказе, туда прибыли представители монастыря, забравшие компенсацию, а в казне остались те самые 50 рублей, упоминающиеся в тексте источника.

Любопытно, что первое упоминание о Разбойном приказе (под синонимичным именем Разбойной избы) относится к 1552 году, а житие Адриана Пошехонского отсылает нас к еще более ранней дате, к 1550 году. Впрочем, и здесь есть свои за и против. С одной стороны, нельзя забывать, что первая часть жития была составлена в самом начале 70-х гг. XVI века, поэтому автор вполне мог называть это учреждение современным для него термином. С другой стороны, да, приказ

достоверно существовал уже в 1552 году, но это только лишь первое упоминание о нем, то есть он вполне мог появиться гораздо раньше. Наконец, надо учитывать архаичность термина «изба», который ко второй половине XVI века сменяется «приказом». Из всего этого с большой долей вероятности можно сделать вывод о существовании Разбойного приказа уже в 1550 году, а само упоминание в житии с некоторыми оговорками считать самым ранним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.